

Татьяна Мажорина

СЛУЖИЛИ ИСКУССТВУ

Сборник стихотворений

Волгоград
Издательство «Перископ-Волга»
2023

16+

УДК 882
ББК 84(2Рос)
М13

Автор благодарит Министерство культуры РФ и Российский союз профессиональных литераторов за частичную поддержку в издании книги.

Мажорина, Татьяна

М13 Служили искусству : сборник стихотворений / Татьяна Мажорина. - Волгоград : Перископ-Волга, 2023. – 132 с. – илл.

ISBN 978-5-907735-71-2

Книга Татьяны Мажориной – это, прежде всего, восприятие художественного образа, создаваемого мастерами рисунка и кисти, архитектурно-скульптурных композиций, через образ поэтический. По одним картинам (скульптурам) автор пишет стихотворения, пытаясь как можно глубже проникнуть в замысел художника, предварительно ознакомившись с искусствоведческой позицией, с историей написания картины, эпохой, в которой жил и творил художник; по другим – складывается чисто личное восприятие образа, когда работает только вдохновение.

В 1-й главе картины художников, архитектурно-скульптурные композиции и стихотворения, посвящённые творчеству всемирно известных мастеров, располагаются в хронологическом порядке, согласно датам их рождения. Во 2-й главе, где отражено творчество современников, несколько иное построение, поскольку временные различия незначительны. Здесь, по возможности, произведения объединены тематически. Что получилось – судить читателю. Итак, дорогой читатель, в добрый путь!

УДК 882
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-907735-71-2

© Татьяна Мажорина, 2023
© Анна Водопьянова, дизайн обложки
© Издательство ООО «Перископ-Волга», 2023

ГЛАВА 1

**Стихи по работам
известных мастеров**

«Поклонение волхвов»

Джотто ди Бондоне – роспись капеллы Скровеньи, Падуя (1301–1305)

Отец Возрождения – Джотто –
В реальном пространстве впервые
Сумел написать, как никто так,
Не лики времён Византии,
А лица, как будто живые.

По сути сюжета, на фреске
Обыграна встреча Заветов –
Двух: Нового с Ветхим. Процессом
Господь управлял наш при этом.

Для мира Спасителя, дескать,
Давно обещал Он народу...
Встречают волхвов под навесом,
Что возле скалы, перед входом

В пещеру, Святое семейство
И Ангел – по левую руку от Девы.
Вот здесь зачинается действие:
«С Востока наш путь, многодневен, –

Один из волхвов, сняв корону,
Пред Богомладенцем склонился, –
Знать, мы одолели дорогу,
Узнав, что Сын Божий родился.

Звезда Вифлеемская ночью
Нам путь указала к Мессии.
Пришли убедиться воочию
В Божественном промысле, силе.

Мы ладан и золото, смирну
Подносим на Царствие вечное.
Земля и щедра, и обширна...
Спаси, сохрани человечество!»

2022

«Поцелуй Иуды»

По одноимённой картине Джотто ди Бондоне (1267–1337)

Сад Гефсиманский. Грешников не счесть:
Солдаты, слуги, стража, фарисеи...
Толпа напряжена. И прямо здесь
Христа готовы растерзать, но... все ли?

Высокий дух и низменный сошлись:
Учитель – ученик. В толпе их двое.
Пророчества по Библии сбылись:
Иуда мельтешит, Христос спокоен.

Тяжёлый Крест Он пронесёт без слов.
С достоинством. Предатель же, воркуя,
В подобострастии обнять готов,
Уста свои раскрыл для поцелуя.

В толпе поодаль – вижу – в рог трубит,
Быть может, Ангел? В курсе воскрешенья?
Не потому ль столь безмятежен вид?..
До поцелуя – лишь одно мгновенье.

Апостол Пётр выхватывает нож
(Толпа ему дорогу преграждает) –
На страстного защитника похож,
Но... отречётся, и Учитель знает.

До дна испить страдание Своё
По полной должен. Путь Земной – до края!
Накал эмоций силы придаёт,
Лишь после смерти вознесётся в Рай Он.

Не лики – лица, злобою полны
(Так виденье передаёт нам Джотто),
Не ведают – порочны и грешны.
От пагубы избавить должен кто-то...

2022

Икона Донской Богоматери

Предположительно Феофан Грек (годы жизни: около 1340 – около 1410)

Отнюдь не искусственным глянцем
Лицо Богоматери тронуту –
Едва уловимым румянцем.
Посмотришь в глаза, будто в омуты,

И враз попадаешь под чары –
Утонешь... в задумчиво-пристальных...
А если судьба под ударом,
То молишься долго, неистово...

Младенец прижался щекою –
Босой, но в спокойном величии,
В хитоне с охристой каймою –
На ней – плат наплечный*, коричневый.

«Преславный мудрец» – говорили
Об авторе этой иконы.
Читала, мне помнится, были,
Которые связаны с Доном...

Случилось побоище жуткое
На поле, что звать Куликовым.
Немного – и русичей (шутка ли?!)
Осилят татаро-монголы.

Но вдруг казаки из засады
Лавиной на ворога бросились,
И в ужасе пала громада.
Был день православный**, по осени...

С иконой Донской Богоматери
Сплотились в могучую силу,
А Дмитрию***, смяв неприятеля,
Заступницу в дар подносили.

...Не раз помогала Святыня
В защите, в спасеньи Отечества –
России великое имя
Избавить от всяческой нечисти.

2022

* Накидка поверх туники (в странах Ближнего Востока – мафорий, а на Руси – покров).

** 8 сентября (по новому стилю 21) – день Рождества Пресвятой Богородицы.

*** После победы на Куликовом поле князь Дмитрий Иванович стал зваться Дмитрий Донской.

О любви к человечеству проповедь

По иконе АНДРЕЯ РУБЛЁВА «Троица» (1411 г. или 1425–1427)

Всему миру известно из Библии –
К Аврааму явились три странника.
Вера старца чиста и незыблема
(Оттого и стал Божьим избранныком).

Он прозрел в них единого Господа,
Поклонился с почтеньем и робостью
И за стол пригласил: «Будешь Гостем мне».
Но Рублёв опустил те подробности.

В доме – «Троица» ветхозаветная.
Нежной плавью* их лица написаны:
Человечные, добрые, светлые –
Средоточие мыслей возвышенных.

Воплощение полной гармонии –
Музыкально-певучей, божественной.
Небожителей головы склонены,
О печали мирской боль естественна.

Кто какими небесными рангами
Обладает, понять нам не дадено.
Кто Отец и кто Сын из трёх Ангелов?..
Ненавистную рознь в мире надобно

Уничтожить, чтоб быть человечеству!
За плечами у каждого – символы.
Бог не должен быть узан. Он в Вечности.
Вижу «Троицу» жизненным стимулом.

В центре – чаша, здесь – жертва Голгофская.
Примет участь Спаситель безропотно.
Так в Писании. Что философствовать?..
О любви Божьей к нам эта проповедь.

2022

* Плавль – в иконописи жидкий слой краски, накладываемый на все элементы композиции. Край слоя плавли растушёвываются.

«Рождение Венеры»

По одноимённой картине Сандро Боттичелли (1445–1510)

Мерцающего неба бирюза
В сиреновой дали сливалась с морем.
Оно искрилось, будто органза
Из шёлка, разливаясь на просторе.

Гармония, симфония созвучий
Простора, моря, неба, красоты!
То ль Божий промысел, то ль дивный случай,
То ль символ воплощения мечты –

Прекрасная Венера Боттичелли
Своим явленьем озарила брег.
Какое-то особое свечение
Из раковины, словно оберег...

Обворожительна, с лицом мадонны.
По стану вьётся золото волос.
Стоит, куда-то смотрит отрешённо,
Вдыхает аромат кружащих роз.

Причалила, гонимая Зефиром.
Вослед цветы и мотыльки неслись.
Пока не ведает, что скоро править миром
Ей предстоит. Любовь рождает жизнь!

2020

Материнское счастье

По картине ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ «МАДОННА С ЦВЕТКОМ» (1452–1519)

В полутёмном помещеньи
Пишут повесть светотени.
Всё окутано воздушной,
Лёгкой дымкой. Благодать!
Здесь сидит, судьбе послушна,
Непорочна Божья Мать.

Юная и молодая –
Богом избранная – знает...
Забавляется мальчонка
С незатейливым цветком,
Тянет пухлые ручонки.
Кто Отец? Поймёт потом.

И хотя не видно солнца,
Свет спокойный из оконца
Озаряет и Мадонну,
И младенчика Христа.
Чудо вижу я с холста:
Счастье матери бездонно.

Нежности, любви полна.
(Поражает глубина
Переливов в складках платья,
Броши блеск, лишь посмотри).
Знает, нет ли, что распяты
Сыну будет в тридцать три?..

2022

Всё-таки выжила...

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ РОСПИСЬ ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ «ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ» (1452–1519)

Многих художников Новый завет,
Сцены из жизни Христа привлекали.
Канули в вечность две тысячи лет,
Даже чуть больше, но это – детали.

«Тайная вечеря», в центре – Христос
(Чистая скатерть, приборы, посуда):
«Знаю, предатель среди нас», – произнёс.
Все всполошились. Один лишь Иуда

Искарот свой мешочек зажал,
Где тридцать сребреников шевельнулись,
Первосвященникам душу продал –
Совесь не спит, что солдат в карауле.

...Долгих три года библейский сюжет
Не отпускал от себя Леонардо.
Тень, глубину и мерцающий свет
Смог, написал, но природа коварна.

Много легло непредвиденных бед.
Место в низине. Не раз – наводнения.
Плесень и пятна, от трещинок след:
Гибло бесценное чудо-творенье.

Стали монахи еду заносить,
Вырубив дверь, там, где ноги Христовы.
Что до искусства, то памяти нить
Дальше рвалась, уходили основы...

Наполеона солдаты конюшню
Сделали в трапезной – вовсе бедлам.
А в сорок третьем был бомбой разрушен
Весь монастырь. Уцелела стена!

Роспись да Винчи, знать, сохранена
После сложнейших работ, реставраций.
Будет служить для потомков она:
Хочется верить – без «реанимаций».

2022

Вечностью стал поединок

«Давид» – мраморная статуя Микеланджело Буонарроти (1475–1564)

Символ борьбы за свободу.
Гневный, решительный вид.
«Встал на защиту народа», –
Ветхий завет так гласит.

Скульптор умелой рукою
Древний сюжет воссоздал.
Юноша вышел для боя –
Мрамор ожил, задышал.

Сдвинуты брови сурово,
Резкие складки на лбу.
К схватке жестокой готов он,
Вновь испытает судьбу.

Вечностью стал поединок
У смельчака на пути.
Снова, как прежде, один он
Родину должен спасти...

2022

Спасённое сокровище

По картине Рафаэля Санти «Сикстинская Мадонна» (1483–1520)

Пал Дрезден* в руинах.
Февраль сорок пятого...
Из каменоломни вверх извлекли
Советские воины ящик припрятанный.
И ахнули! Чудо хранилось в пыли:

«Мадонна» – картина всемирно известная,
А живописал её – сам Рафаэль!
Затоплены были подвалы в окрестности –
Спасла от несчастья глубокая щель.

...Босыми ногами ступая по облаку,
Младенца несёт, прижимая к груди
(от Духа Святого), прекрасная обликом,
Чиста и невинна. Что ждёт впереди?

Легка, грациозна, ступает Пречистая,
Величия, нежности светлой полна.
В любви и смиренности молилась неистово,
За веру и кротость – вознаграждена.

С боков, перед нею, в почтеньи склонённые,
Святая Варвара** и праведный Сикст –
За муки посмертного сана достиг.
Внизу – ангелочки, в мечты погружённые.

Все шесть персонажей, как будто реальные,
Живые, земные, парят в небесах.
Сама Богородица, с виду печальная.
Быть может, гнетёт расставания страх?..

2022

* Дрезден – «Флоренция на Эльбе», в нём хранилась знаменитая картинная галерея.

** Варвара – покровительница девственниц

Циклоп в кулисах*

По картине Никола Пуссена «Пейзаж с Полифемом» (1594–1655)**

Величаво, торжественно высятся скалы,
На одной из которых – циклоп Полифем,
Слившись с ней воедино, недвижимым стал он.
Песнь поёт, пригорюнившись над бытием.

Словно вечность готов просидеть на вершине,
Ждать свою Галатею, лаская свирель.
Неизбывная боль утопает в пучине,
Но красавица-нимфа не ступит на мель.

Одноглазый циклоп грандиозен и мощен,
Будто высечен из одичалой скалы.
Не смолкает свирель его денно и ночью,
Наполняя печалью истлевшей золы.

А в долине вокруг всё умолкло живое,
Завораживал звук, разливал благодать.
Даже нимфы застыли с тоскою немой,
И сатиры в кустах перестали болтать.

Землепашец стоит, тоже нем и безмолвен,
Бык в упряжке притих, звуки слушать готов,
Только воздух дрожит, будто скорбью наполнен.

*Гимн природе, любви писан кистью, без слов.

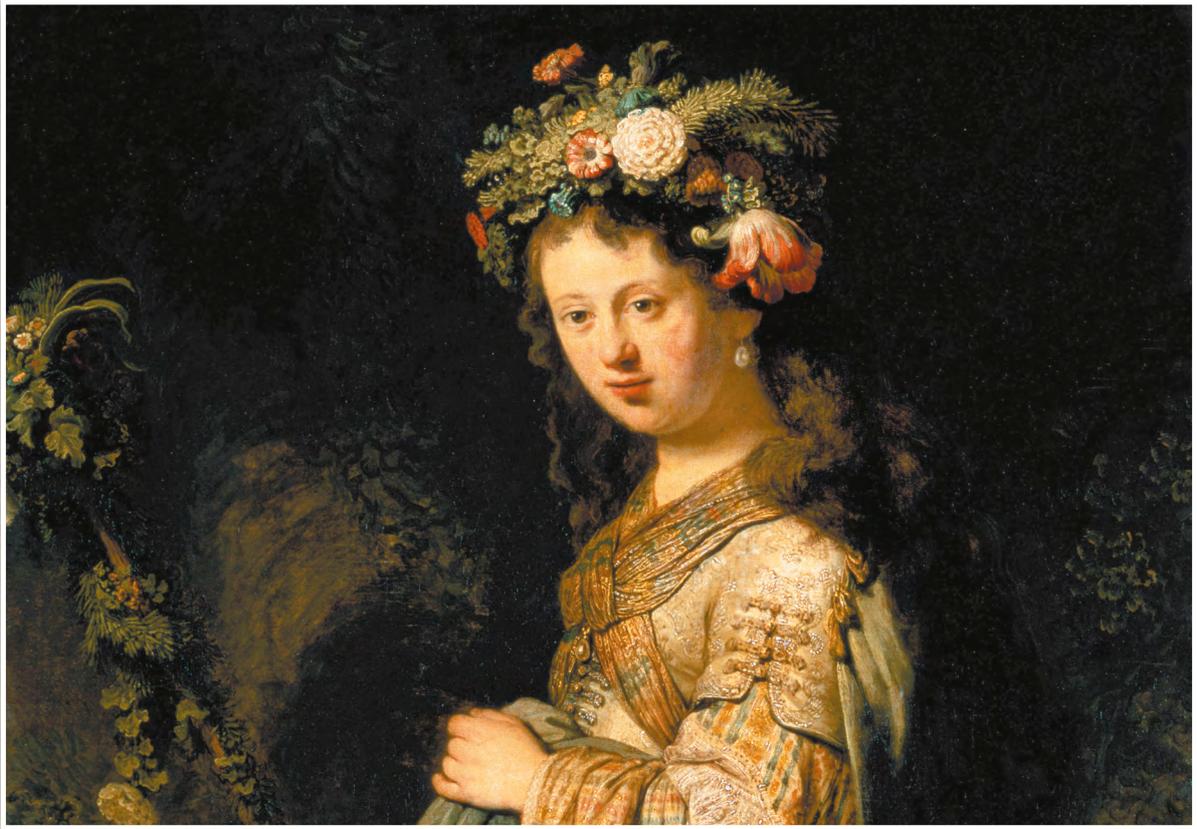
28.09.2022

* Принцип кулисного построения в живописи: люди, предметы видны друг из-за друга, постепенно уменьшаясь в размерах.

** Иллюстрация к сюжету поэмы Овидия «Метаморфозы»

Виза в бессмертие

По картине Рембрандта «Флора» (1606–1669)

В образе римской богини Весны
Изобразил чистоту, совершенство
Юной модели, любимой, жены
(живость фактуры привносит блаженство).

Нежность, восторженность смог передать
Самой желанной из тысячи женщин.
Яркий венок, жезл цветами увенчан.
Умиротворенье, покой, благодать.

Вышивка золотом, пышный наряд...
Молодость, радость и счастье не спрячешь.
Видимо, первенца ждёт, не иначе.
Не оттого ль лучезарен так взгляд?..

Краски искрятся, горят на свету,
Локоны вьются, на плечи спадают.
Снова и снова садится к холсту.
Позже с жены он напишет «Данаю».

Не было женщины в мире милей.
Трижды она потеряет ребёнка...
Грань между жизнью и смертью столь тонка.
Много случится надгробных камней...

Гаснет румянец, уж нет и следа.
Тяжкий недуг постепенно сжигает.
Стала супруга от горя другая,
Скоро покинет его навсегда.

Всё же останется вечным портрет
Тот, что особым величием пронизан,
Неугасимой любовью согрет.
«Флора», как будто в бессмертие виза!

2022

Восторг и прозрение

По картине Дмитрия Левицкого «Екатерина II – Законодательница» (1735–1822)

Роскошная мантия из горностая,
В атлас переливчатый стан облачён...
Как будто сошла из античных времён,
Великая Екатерина Вторая.

Улыбки приветливой льются флюиды.
Стоит государыня пред алтарём,
Где красные маки пылают огнём –
Спокойствие в жертву приносит Фемиде.

Святого Владимира лента и орден,
Андреева цепь*... свод законов у ног,
А вместо короны – лавровый венок
Портрет дополняет весомым аккордом.

Левицкий писал в идеале царицу –
Владенья умножила русской земли,
Победу на море её корабли
Не раз одержали, расширив границы.

Жаль, ближе увиделись многие грани
Из жизни похлеще шекспировских сцен:
Распутства и блуда, интриг и измен.
Дворцовыми буднями душу изранил.

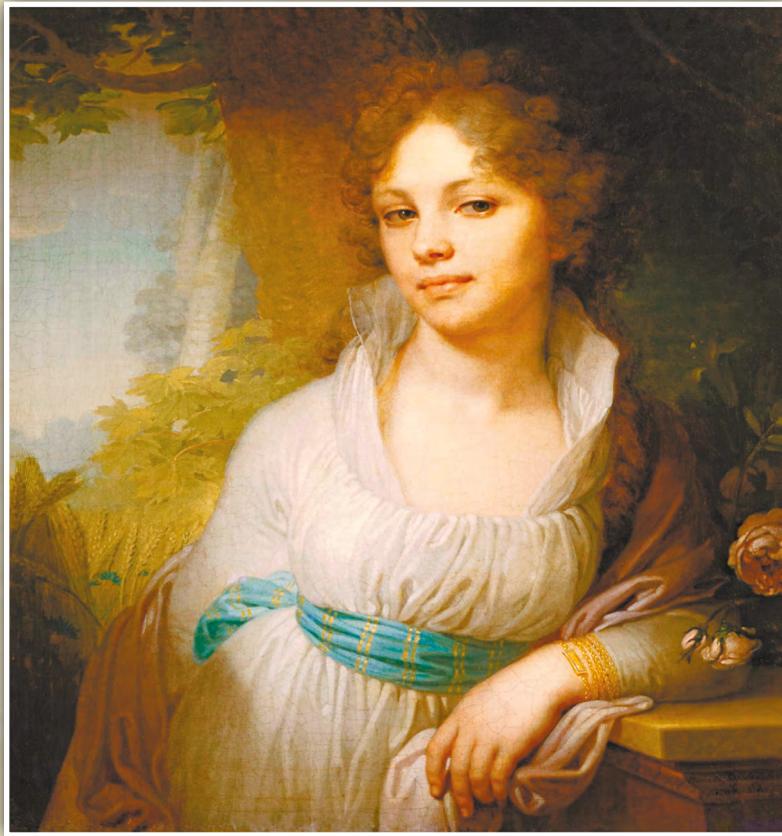
Наивен и чист. Содрогнулся от фальши.
Решил, что талант свой растратил на ложь.
Заказы влиятельных царских вельмож
Оставил. В бесславии, нищим жил дальше.

2020

* Орден Святого апостола Андрея Первозванного – высочайшее признание заслуг кавалера перед российским народом и государством.

Сквозь воздушную дымку...

По картине Владимира Боровиковского «Портрет М. И. Лопухиной» (1757–1825)

Летний день в приусадебном парке.
Чуть поодаль от клёнов, берёз –
Васильки синеглазые, рожь...
Пастораль... Солнце светит неярко.

Почему-то, слегка беспокоясь,
Раз за разом смотрю на портрет
И читаю негромкую повесть
Кисти мастера. Вот он, расцвет!

Образ юной графини изящной
Доброту излучает, тепло
И, быть может, надежду на счастье,
Благодатью чтоб к ней снизошло.

Грациозна, мила и богата.
Призадумалась... Тишь, полутень...
В ней мечтательность, грусть и загадка,
И улыбка, что ласковый день.

Приглушённым всё писано тоном.
Затаённая скрыта печаль.
Незаметно сливается с фоном
Розовато-лиловая шаль

И волос золотистых безбрежность.
Из-под полуопущенных век
В её взгляде я чувствую нежность.
Жаль, не выпал на жизнь оберег*.

Сквозь воздушную дымку все чувства
Нам художник умело донёс.
Видеть душу – вершина искусства,
Область тайн, размышлений и грёз.

2023

* Мария Лопухина (в девичестве Толстая) ненадолго пережила свой портрет, не успев оставить мужу детей.

Русские женщины

По картинам Алексея Венецианова «На пашне. Весна» и «На жатве. Лето» (1780–1847)

Две картины по жанру, как два близнеца –
Песнь земле и труду вековечному:
Нет начала ему и не видно конца.
Труд с крестьянством навеки повенчаны.

Первый пахотный день – это праздник в селе.
В сарафане нарядном, в кокошнике
Горделиво ступает Весна по земле.
Не богиню ли видит художник в ней?

Под уздцы за собою ведёт двух гнедых,
А за ними – земля распахана.
И ребёнок (амур ли?) в сторонке сидит.
Перед ним суть России распахнута.

На картине другой – лето, жатвы пора.
Русь сермяжная истово трудится.
Бьёт поклоны зерну группа женщин с утра:
Серп в руках – вот и всё их орудие.

На дощатом помосте – кормящая мать,
Символ жизни, Творцом всем завещанный.
Среднерусский ландшафт. Эту ширь не объять.
В знойном мареве трудятся женщины.

Жизнь простого народа, крестьян крепостных,
Земледелие и плодородие...
Образ жизни глубинки – святая святых –
Нет почётней труда, благороднее.

2020

Триптих. Прощание с Пушкиным

ТЫ БЫЛ БОГОВ ОРГАН ЖИВОЙ.
(ФЁДОР ТЮТЧЕВ)

1

У дома серого на Мойке
Народу – попросту не счесть:
Здесь пеший люд, там сани, тройки...
Прискорбная постигла весть:
Не стало русского поэта –
Любимца муз, любимца света.
В скрижали памяти пал век,
Валил густой и мягкий снег...
Все молча шапки снимали,
И болью наполнилась толпа,
На плач, стенания скупа,
Застыла в горести-печали.
Спускался вечер над Невой,
Затих «богов орган живой».

2

Глухая ночь. Несутся дроги,
Везут творца в последний путь
По мёрзлой, в рытвинах, дороге.
Прикрыт соломой как-нибудь
Гроб, что рогожею обёрнут,
Слуга – за ним, судьбе покорный.
Промёрзший тракт, кругом пустырь.
Им – в Святогорский монастырь.
Могилу рыть почти что сутки
Пришлось до сумерек, до звёзд.
Стекал со свеч слезами воск.
Мозоли – в кровь, устали жутко.
...Покойся с миром, наш Поэт,
Твоим твореньям смерти нет.

3

Нас разделяют два столетья...
Поэзии смакую мёд
И ощущаю некий трепет,
Когда строка в полон берёт.
Прижмёт тоска – иду в музей я,
У полотна стою, не смея
Глаз отвести. На нём – Поэт*.
Он смотрит вглубь сквозь призму лет.
Одет изысканно, по моде:
Роскошный плащ и в клетку шарф –
Шотландский байроновский шарм...
Раскован, дерзок, благороден.
Стою, дыханье затая:
Он – Муза вечная моя!

2019

* Прижизненный портрет Пушкина, написанный Орестом Кипренским в 1827 г.

Миг движения

По картине Карла Брюллова «Всадница» (1799–1852)

Любимая женщина Карла Брюллова
Портрет заказала воспитанниц юных.
К нему возвращаюсь я снова и снова:
Будь то ипподром – ликовали б трибуны.

На полном скаку осадив вороного,
Вернулась с прогулки почти что мадонна –
Лицо величаво-надменно. Ни слова
(Копытом бьёт конь у резного балкона).

Застёгнута плотно её амазонка,
Кольшется лёгкая лента за шляпкой.
Сидит грациозно, слегка отстранённо,
Согласно приличиям – в тонких перчатках.

...Лет трёх-четырёх озорная девчонка,
Стремясь уловить миг движения, ветер,
С восторгом и завистью тянет ручонку
(А в кронах деревьев волнуются ветви).

Воздушное платье в цвет розовой пудры –
Малышка стоит в кружевных панталонах,
И, как у сестры, развеваются кудри,
Искрит обожанье в глазах удивлённых.

И тут же – собаки. В ошейниках обе.
Владелицы имя блесит на табличках –
То знак, принадлежность к богатой особе.
А вечер загадочен, свеж, поэтичен...

2019

«Явление Христа народу»

По одноимённой картине Александра Иванова (1806–1858)

На каменистом берегу реки
Народ собрался всяческих сословий:
Кто умилен, а кто обеспокоен,
Кто равнодушен, чужды вопреки.

Известный всем евангельский сюжет –
Крещение иудеев Иоанном
В священных тихих водах Иордана.
С картины льётся лучезарный свет.

Под проповедь очистит от грехов
Всех, принявших святое омовенье,
Их душам обещаю исцеленье,
Причём неважно, кто каких чинов.

Он крест поднял уверенной рукой
И предсказал, что к ним идёт Спаситель:
«Лишь в новой вере все объединитесь,
Чтоб в жизни вечный обрести покой».

Вот со спины – зажиточный старик,
А рядом – раб, даёт ему одежду,
Взор на Предтечу устремил с надеждой,
Не может оторваться ни на миг.
Он верует и потому – велик.

А справа – недовольные стоят.
С холма спустились группой фарисеи:
Уста сомкнули, смотрят, будто змеи.
За ними – всадники. Тревожен взгляд.

Легко ступает Иисус Христос
По голой, солнцем выжженной равнине.
Ландшафт как будто писан в Палестине,
Лишь у воды кустарником зарос.

А за спиной – немислимый простор,
Виднеются оливковые рощи,
Порою ветер ветви их полощет.
Смыкает горизонт цепь синих гор.

Величественен силуэт Христа,
И лик его слегка размыт, неясен,
И путь толпе неведом и опасен,
Но льётся сверху благодать, чистота...

2020

Не оставь, Господь

По картине Павла Федотова «Вдовушка» (1815–1852)

В одеянии траурном, чёрном
Молодица безмолвно стоит.
Вид заплаканный, обречённый.
Видно – был полицейских визит.

Приходили описывать вещи –
За погибшего мужа долги.
Для вдовы роковой день, зловещий:
Их квартира уйдёт на торги.

За спиной, на комод, икона,
Офицера в мундире портрет...
Скоро должен родиться ребёнок.
Нет отца. И жилья тоже нет.

Скарб нехитрый вместился в корзину.
На полу, у стены – серебро...
Опечатано всё. Жизнь – вражина,
Как рулетка – легла на зеро.

Истлевают душа тонкой свечкой,
Скорбь, отчаянье селятся в ней.
– Дай родиться, Господь, человечку!
Приюти мать под сенью Твоей.

Удачная сделка

По картине Павла Федотова «Сватовство майора»

Обычный заурядный брак –
Таких в России были тыщи.
Кто званье, кто богатство ищет,
Чтоб выжить, коли не дурак.
А дело, в общем, было так:

У каждого – свой крест, свой путь –
Заложники паденья нравов.
Что до любви, то, Боже правый!
О ней ли речь?! Не обессудь,
Читатель дорогой. В чём суть?

Прошу заранее, прости.
Рассказ мой будет ироничен,
Но светских не лишён приличий.
Невеста, в общем – не ахти,
Однако, в теле... и в чести.

Сей отпрыск папеньки-купца
Играет напускную скромность.
Их состояние огромно.
Майор был пойман на живца
Не ради красного словца.

Невеста рвётся убежать,
Роняя с плеч вуаль-накидку.
– Голубушка, не так же прытко, –
Вступает в роль купчиха-мать,
Пытаясь дочку придержать. –

Родство дворянский титул даст.
Отставить игры в благородство!
Служивый избежит банкротства,
А нам солидности придаст.
Отец дела вести горазд.

Сюртук никак не застегнёт
Глава семейства. Вот досада.
Тут дама знатная с докладом.
Улыбка на устах, что мёд,
Речь сладкой патокой течёт:

– Жених в настрое боевом
Тотчас изволили-с приехать –
Опора доченьке, утеха.
Признаться, не дурён лицом.
Встречайте, посидим ладком!

Кухарка вынесла пирог.
А за спиной шумит старуха –
Похоже, что туга на ухо –
Ведёт с прислугой диалог:
– Вино не ставь! То зло, порок!

Поодаль рыльце моет кот.
Видать, готовится к приёму:
Обедать знатно будут в доме.
Глядишь – ему перепадёт
От барского стола щедрот.

А гость с улыбкой крутит ус.
Стоит в дверях при форме, шпаге.
Глаз с хитрецей. Не об отваге –
О деньгах думает: «Женюсь
И к сладкой жизни доберусь».

Предметы быта, антураж,
На потолке сияет люстра...
Смотрю – мне весело и грустно –
Художник выписал искусно,
С любовью, каждый персонаж.

Главный секрет

По картине Павла Федотова «Надежда Петровна Жданович за фортепиано»

В платьице скромном, учебном
Смотрит из давних времён
Светлая юность... Зачем-то
Образ от всех отрешён.

Пальцы по клавишам плавно
Двигаются... Моцарт ли, Бах
Душу тревожат? Так славно –
Зорька горит на щеках!

Взгляд не приемлет ненастья.
Чайно-ореховый цвет
Глаз, что распахнуты настезь,
Нежит искусственный свет...

Мастера тайну узнала,
Пусть далеко не эксперт:
Слово «люблю» вслух шептал он,
Тихо садясь за мольберт.

И отступала рутина,
Боль неустроенных лет.
И оживала картина:
С нею – художник, поэт!

Российское отныне будет знамя

По картине И. Айвазовского «Чесменский бой» (1827–1900)

И дым, и гарь закрыли горизонт,
И рвётся в небо огненная лава.
Решают спор на море две державы.
Кроит историю здесь Южный фронт.

Пылающий в аду турецкий флот.
Идёт жестокий бой в Чесменской бухте.
Вот-вот, мне кажется, что небо рухнет.
Того гляди – поглотит бездна вод.

Барахтаясь в воде, хотят спастись
Остатки уцелевших в жутком пекле.
От страха, ужаса – почти ослепли:
Пускай в плену, пусть жалкая, но жизнь.

Гнетущий, безысходно-мрачный цвет.
Владычица морей холодным глазом
Взирает равнодушно: сгинут разом.
Не встретить им предутренний рассвет.

Десятки лет они вели войну
За право обладания морями.
Российское отныне будет знамя!
Здесь русским кораблям торить волну.

Эпизод на Северной войне

По картине И. Айвазовского «Пётр I при Красной горке»

Скалистый берег, вспышки молний
Пронзают небо грозное.
Ревущие со стоном волны
Готовы всё смести живое.

Балтийский флот, Петром возвращённый,
Застала грозная стихия,
В заливе Финском разъярённо
Губила буря мощь России.

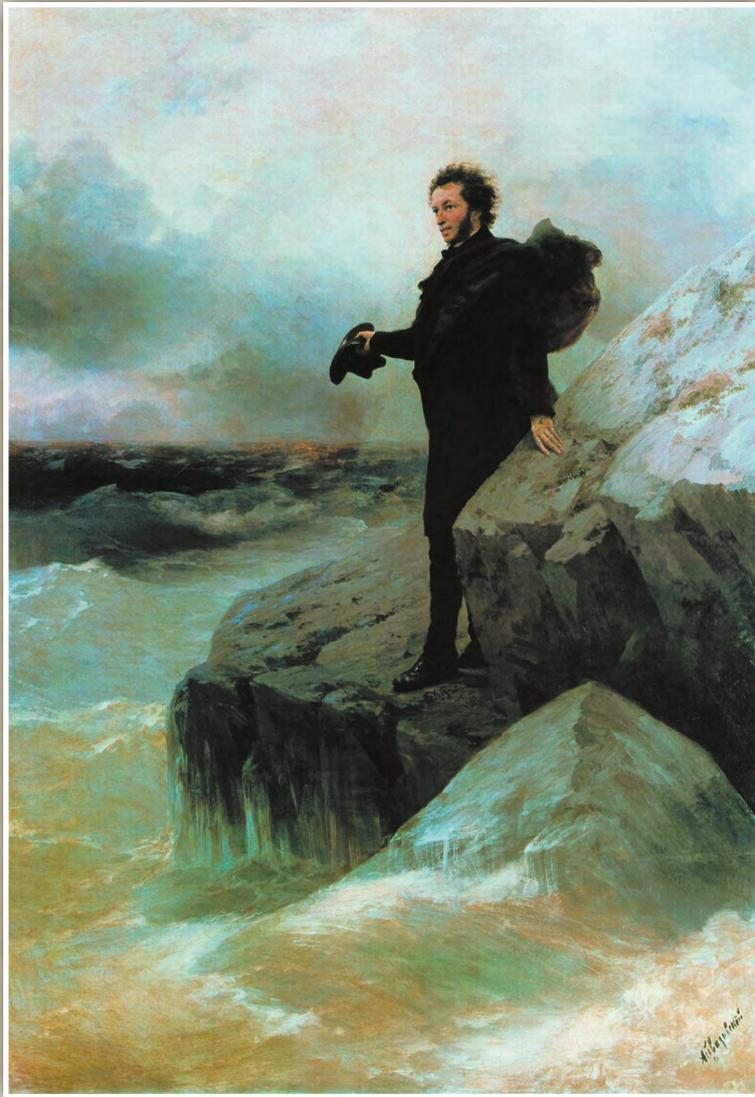
Свирепый ветер волны вздыбил,
Рвал паруса, корёжил мачты,
Кидал эскадру на погибель.
А нужно выжить. Не иначе!

Царь Пётр вдвоём с лихим матросом
Сумели к берегу причалить,
Преодолеть толчки, торосы.
Зажгли костёр. Путь освещали.

Фигурки их на мрачном фоне
Едва видны, но будет Выборг...
Пусть шторм беснуется и стонет,
Победа с ними – сделан выбор!

Стихия и Пушкин

По картине Ивана Айвазовского «ПРОЩАНИЕ ПУШКИНА С ЧЁРНЫМ МОРЕМ»

Невольно люблю картину,
Могуществом водной стихии,
Где море и небо едины,
А люди пред нею бессильны.

У берега мощные глыбы –
Безмолвные, дикие скалы –
Поведать потомкам могли бы
О думах поэта в опале.

Подальше от царского гнева
В нём пела заря вдохновенья,
И черпал поэзии невод
Росточки бессмертных творений.

Тоскою по Крыму наполнен,
Прощался он с морем, как с другом,
И яростно пенились волны,
И бились о камни упруго –

Всё выше и выше, свирепей!
Открыт он пред натиском бури
(в пейзаж Айвазовского Репин
Поэта добавил фигуру).

С безудержным морем на равных –
Поэзии русской Светило.
Влюблённый в стихию, по праву
Стоит, равнозначен ей в силе.

У нависнет над домом проклятие...

По картине Николая Ге «Пётр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе» (1831–1894)

Петергоф. Зал просторный с картинами.
Царь сидит за столом. У камина он –
Волевой, энергичный, уверенный.
На допрос вызывает царевича.

За молчаньем и внешним спокойствием
Затаилось вселенское зло.
Сделал сына когда-то изгоем он,
Отчужденье враждой проросло.

Тот стоит, взгляд потупив, подавленный,
Перед грозным величьем отца.
С малых лет нелюбимый, оставленный,
Ждал, кто знает... царёва конца?..

Рос без ласки, любви и внимания,
Немчуре отдан на воспитание...
Пишут «слаб и труслив, что истерик он...».
Сын Петра?! Никогда не поверю я.

Сиротой, при живых-то родителях,
С детства с матерью был разлучён.
Нелегко быть кровинкой властителя –
Понимает: на казнь обречён.

Есть любимец – второй, это Шишечка.
Для него уготован был трон.
Малышу всё наследство отпишется.
Старший сын должен быть устранён.

Пред отцом и Россией виновен он,
Скоро жизнь его канет во мглу.
А прощение – ложь! Всё подстроено.
Не письмо ли лежит на полу?

Заманили которым на казнь его?
Знать, не станет в семье больше праздников,
И нависнет над домом проклятие.
Смерть за смертью придёт, не унять её.

Вслед за старшим не станет и Шишечки,
И царю в этом мире не жить:
Никому, ничего не отпишется.
Оборвётся Романовых нить...

2020

Вижу дорогу я зимнюю, узкую

По картине Алексея Саврасова «Зима» (1830–1897)

Сосенка справа, совсем худосочная,
А перед ней – два засохших ствола...
Слева берёзки, как сёстры молочные,
Жмутся друг к дружке, надеть бы сорочки им,
Холодно, муторно, жизнь не мил .

А между ними дорога полоскою
Узкою тянется, знать бы куда...
Грязная, хлипкая, с виду неброская.
Русская грусть через край здесь расплёрскана –
Кажется, рядом таится беда.

Небо тревожное, иссиня-чёрное,
Тяжестью давит на хилый лесок
Да на дорогу, почти обречённую –
Ту, что влачится – кривая, никчёмная...
Смотришь – и в сердце сквозит холодок.

Нет зимы, которая бы не кончалась

По картине Алексея Саврасова «Зимний пейзаж. Оттепель»

Золотистое небо – во весь горизонт –
Излучает сиянье в округе,
Словно кто-то раскрыл удивительный зонт –
Позабавить село на досуге.

Домовитые избы – по струнке, в рядок –
Восторгаются сказочным небом,
А из труб из печных тихо вьётся дымок,
Призадумались крыши под снегом...

Через поле – речушка и шаткий мосток,
Только-только ледок подрастаял...
Дышит радостью Русь, а небесный платок
Разукрасили птицы по краю.

Отчужденье и холод теперь не страшны.
Скоро снежно-молочные пенки
Превратятся в звенящую песню весны.
– Посмотри, как играют оттенки!

«Король лесных пейзажей»

ПОСВЯЩЕНИЕ ИВАНУ ШИШКИНУ (1832–1898)

Смотрю на полотно «Лесные дали»:
Сосна-отшельница, чуть наклонясь,
Мне с автором напоминает связь –
Печальное вступление вначале.

Два серых камня слева, будто символ,
Намёк на то, что пережил двух жён?..
Неотвратимостью придавлен, потрясён,
Стал раздражителен и нелюдим он.

Но лейтмотив картины полновесней:
В ней воспевал Природы торжество –
Король лесных пейзажей. Мастерство
Легло на холст величественной песней.

В необозримой дали окоёма
Слегка пятно зеркальное искрит,
Притягивает взгляды, как магнит,
Таинственное лоно водоёма...

Покрыто вятским лесом неохватным
Бесчисленное множество холмов,
А воздух свеж и дымчато-лилов,
Наполнен терпким хвойным ароматом.

Ширь... Поражает множество деталей,
И нет здесь места праздной суете,
Едва заметна птица в высоте –
В голубоватом мареве порхает...

Елабужское русское раздолье!
В высоком небе тонут облака,
Как пенки от парного молока.
Сыновней прикипел к нему любовью.

2020

«Тройка»

По одноимённой картине Василия Перова 1866 г. (1833–1882)

Перов нам поведал печальный рассказ
О жизни нелёгкой, народной,
Как есть, наяву, безо всяких прикрас,
Об участи нищих, голодных.

Не тройка лошадок, а трое ребят,
Измученных тяжкою долей,
Из сил выбиваясь, уныло скользят,
Принуждены чаны с водою

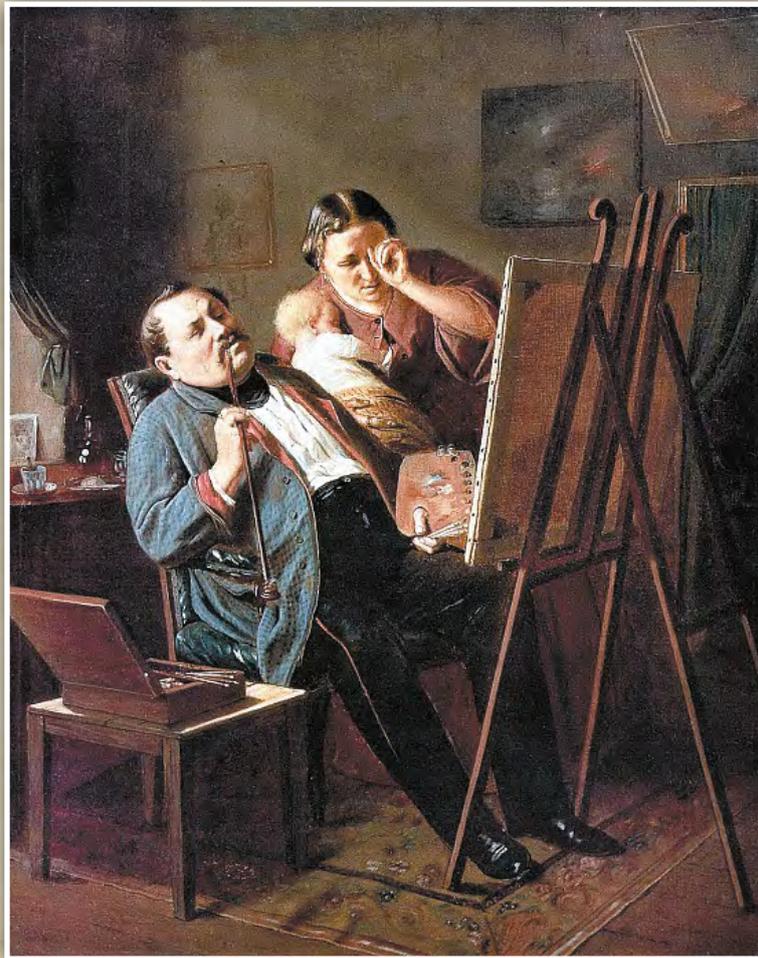
Из речки по улице мрачной везти.
Темно. Гололедица. Стужа.
Нет даже намёка скончанья пути.
Случится ль сегодня им ужин?..

Картина исполнена в тёмных тонах,
Чтоб красочность не отвлекала,
А боль, безысходность в ребячьих глазах,
Чтоб громче набата звучала.

2023

«Дилетант»

По одноимённой картине Василия Перова

Сидит художник в мастерской
В вальяжной позе пред мольбертом.
Осознаёт себя экспертом:
Палитра, кисти под рукой.
Доволен, даже горд собой.

Что за картина – блеск, шедевр!
Пусть не закончена, но всё же...
– На гениальность так похоже! –
Жена промолвила, подсев.
И тут включился подогрев.

С младенцем, спящим на руках,
Давай рассматривать творенье,
Хвалить до умопомраченья,
Как будто смыслит в тех делах,
А мастерская-то впотьмах.

Но вирус лести вглубь проник!
Свет ниспадает им на лица.
Успех! Признание всюду мнится.
Высокомерен муж, велик,
А в деле – ноль иль просто пшик.

Висят на стенах вкривь и вкось
Его нелепые картины:
Лепечут, щурятся с вершины:
– Каков талант! И... понеслось!
Он их создатель – в этом гвоздь.

Надолго ли?

По картине Василия Перова «Приезд гувернантки в купеческий дом»

Юная девушка тонкая, стройная –
В скромном платочке и платье коричневом,
Доброму молодцу пара достойная –
Славная, робкая и симпатичная.

– Что за нужда тебя, девица милая,
В дом привела ненавистный купеческий?
Что же ты голову вниз опустила-то?
Некому встретить тебя по-отечески?

Кто его знает, какие здесь правила...
Шторы расшитые, кресла добротные...
Скарб свой нехитрый под дверью оставила –
Вдруг охватила тоска безотчётная.

– Что ты печалишься, нежная горлица?
Может, осталась совсем без родителей?
Что же ты молча стоишь посреде горницы
И теребишь аттестат свой учительский?

Вышло семейство мещанское сытое:
Тучный хозяин в халате малиновом
С похотью смотрит, почти неприкрытою,
Сзади – хозяйка с ухмылкой змеиною.

Высокомерно, враждебно настроена.
Дочери смотрят немного испуганно.
В позе развязной сынок. Ехать стоило?
...Долго ли выдержит? Эх, будет туго ей.

«Неизвестная»

По одноимённой картине Ивана Крамского 1883 г. (1837–1887)

В розовой дымке утро тихо тает.
Экипаж на Невском (слышу бубенец).
Приостановилась дама молодая.
За её спиною – Аничков дворец,

Анфилада строгих петербургских зданий...
Солнцу не пробиться за морозной мглой.
Что её толкнуло ехать в час столь ранний?
Нежилась в тепле бы, видя сон седьмой.

Смотрит горделиво. На кого? Неясно.
Что-то же вниманье дамы привлекло?
Глаз полуприкрытых магия опасна.
Вдруг древнейшее познала ремесло?..

Ярка, грациозна. Вряд ли от клиента.
В страусиных перьях бархатный берет,
Жемчугом украшен. Мех соболий, ленты...
Тонкие перчатки... золотой браслет...

Моды писк в ту пору – это не к дворянству.
И простолюдинкой, к слову, не назвать.
Статью величава, явно – не мещанка.
Без Крамского тайну эту не узнать...

2020

В лунном сиянии

По картине Ивана Крамского «Русалки»

Майская ночь опустилась над берегом,
Густо поросшим бурьяном да вереском.
Брёвна, коряги... Почти что по Гоголю:
Дикое место. У чёрта, у Бога ли...

Выше – усадьба с забытыми окнами...
Девицы вышли... распущены локоны.
Стынь от пруда, тянет сыростью, холодом:
В нём загубили звенящую молодость.

В лунном сиянии лица печальные:
Не довелось им кольца обручального
В церкви надеть от любимого парубка,
Выйти счастливой семейною парою.

В белых рубашках фигурки утопленниц –
Сели напротив роскошного тополя.
Боль одиночеств застыла в молчании...
Дремлют кувшинки под лунным сиянием.

След не оставят русалки бесплотные,
Канули в вечность тревоги их, хлопоты.
...Лес непроглядно-дремучий и тёмный –
Мрачный свидетель судеб обречённых.

Сретение Господне*

По картине Ивана Пожалостина «Богоприимец Симеон» (1837–1909)

По повеленью царя Птолемея,
Семьдесят лучших еврейских мужей
Переводили закон Моисея,
Был Симеон посреде них всех мудрей.

Вдруг показалось, что в тексте ошибка:
Сына не Дева родит, а Жена.
Только подправить хотел в книжном свитке –
Свыше: «Не смей! Сам узрешь – Она!»

Ангел Господень поведал о Сыне
Божием, что народится на свет,
Станет Спасителем мира. Отныне
Старец ждал чуда почти триста лет...

Чудо свершилось! Явлен Мессия.
...Минуло сорок положенных дней.

В храм принесла Его Дева Мария.
Богово – Богу! Нет дела святей.

Видя Её, осенённую светом,
Пренепорочную – сразу узнал –
Богомладенца, лучами согретом,
С благоговением на руки взял.

Деве поведал о муках Христовых
И о Голгофе, людской клевете.
К скорби, печали должна быть готова,
Видеть распятым Его на кресте...

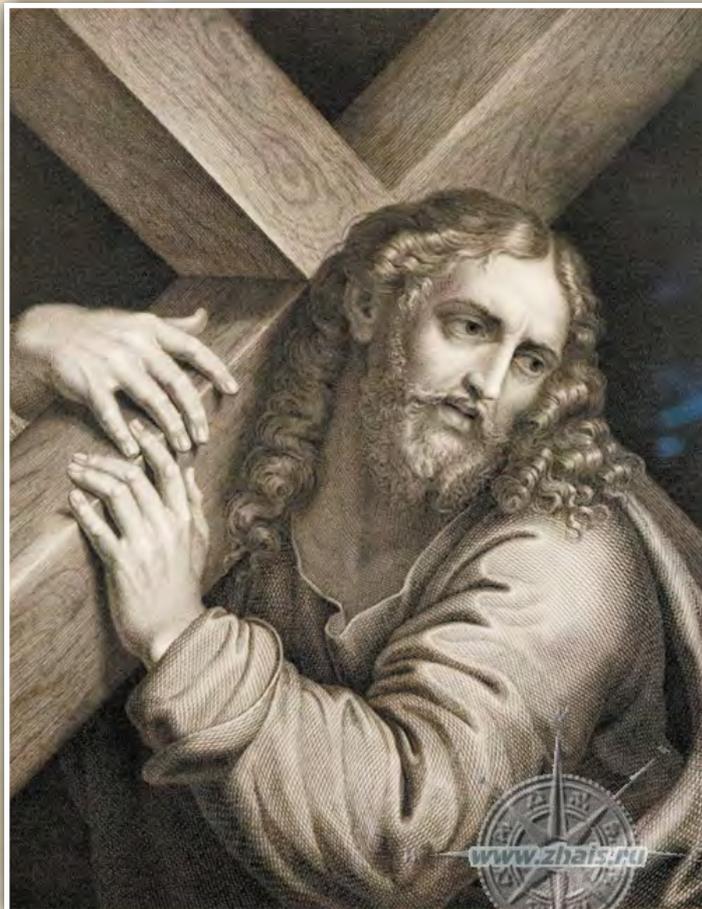
Снова и снова смотрю на картину:
Мальчик крестьянский (пятнадцати лет!),
Грани истории смело раздвинул,
Смог воссоздать говорящий портрет.

2023

* Христианский праздник, означает встречу Человечества в лице старца Симеона с Богом.

За грехи нас, Господи, прости!

По гравюре Ивана Пожалостина (1837–1909) «НЕСЕНИЕ КРЕСТА»
С КАРТИНЫ НЕИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА БОЛОНСКОЙ ШКОЛЫ XVII ВЕКА
(ПРИПИСЫВАЛОСЬ Л. КАРРАЧЧИ) 1872 г.

Страстотерпец, нёсший крест достойно,
Не пытаюсь от судьбы уйти,
Понимал, что быть распятым больно.
Цель одна – греховный люд спасти.

Агнец Божий, жертву приносящий,
Беззаветно весь народ любя,
Ради человеческого счастья
Приносимый Самого Себя.

К отступленью Он не ищет средства,
Крест не сбросит, страшный ждёт финал...
Претерпёвый* до конца спасется,
Вынесет мученья – точно знал.

Жертвенность, безропотность, принятье
Всех перепетий Своей судьбы –
Был готов к невинному распятью
За людей, что верою слабы.

Старость, одиночество, болезни
Поджидают всех, как ни крути.
Верую, что души не исчезнут.
За грехи нас, Господи, прости!

На Голгофу, к символам Завета,
Наш Спаситель Иисус Христос
Опечаленный, но Ликом светлый,
Крест тяжёлый терпеливо нёс...

2023

* По Евангелию от Матфея, глава 24.

«Боярышня»

По одноимённой картине Константина Маковского (1839–1915)

На портрете – боярышня юная –
Сам художник деяньем любитесь.
Взгляд глубокий. О чём призадумалась?
Не прельщают гулянья на улице?

Расписная рубаха, что в праздники
Припасают для важного случая:
Зарукавья, расшитые мастерски,
Жемчуга, ожерелія лучшие...

Впечатляет особая красочность
Одеяния в русских традициях.
Ей бы с парубком впору отплясывать,
Чтоб огонь полыхал да на лицах их.

А она почему-то печальная –
Раскрасавица, ладная, статная.
Может, скоро в дорогу ей дальнюю?
За нелюбого, может, засватана?

Что за мысли сердечко разумное
Омрачают? Не выбор ли батюшки?
Коль послушаться дева задумает,
То простит ли родимая матушка?

Серебрится кокошник на девице,
Вплетена в косу лента атласная...
Правда, нет ли, что всё перемелется?
Дочь боярина будет ли счастлива?..

«Одинокая нота»

По картине Клода Моне «Сорока» (1840–1926)

Заснеженный сельский пейзаж,
Написанный таинством света.
Плетень, покосившийся с лета...
И прост, и непрост антураж.

Влечёт светотеней игра,
Явь полупрозрачного цвета
В замедленном стынет сюжете.
Колючий морозец с утра.

Кругом тишина... Ни души.
Калитка стара, кривобока,
На ней примостилась сорока:
Сидит – улетать не спешит.

Мазок... иль художника блажь?
Нахохлившись, вполоборота –
Грустит одинокою нотой,
Как будто виденье... мираж.

Поодаль деревьев рядок
И дом, где тепло и уютно.
Быть может, играют на лютне,
И чей-то звенит голосок...

Тихонечко дверь отвори
В мир чувств, что так бережно соткан,
Эмоций, что дарят полотна –
Тепло разольётся внутри.

Перед грозой

По картине Архипа Куинджи «На острове Валааме» (1842–1910)

С неба льётся свет серебряный,
Каменистый берег радуя
Переливами недолгими.
Речка мелкая, студёная,
Сплошь поросшая осокою,
В лоно Ладоги направилась,
Чтобы слиться в единении,
Прошептать слова заветные,
Растворясь в огромном озере.

По-над речкой чайка носится –
Белокрылая охотница,
Корм добыть бедняге надобно.
Слева небо предзакатное –
Розовато-тепловатое,
Переходит к дымно-сизому
И к густому тёмно-серому.
Нависают по-над озером
Грозовые тучи хмурые...

Два высоких тонких деревца,
Пробираясь сквозь расщелины,
К свету северному тянутся.
Это сосенка с берёзкою
Украшают место дикое –
Берег голый, неприкаянный.
Впереди – ещё две парочки
К лесу тёмному направилась,
Будто в нём и есть спасение
От грозы, что надвигается.

Разразятся гром и молнии,
А они – незащищённые,
Непогоду встретят парами,
Каждой веточкой трепещущей.
Вместе выстоят и выдержат
Натиск бури разрушительной.
Такова природа Севера –
Необузданна, вынослива.

«Молитвенная сходит тишина...»

По картине Архипа Куинджи «Лунная ночь на Днепре»

Иллюзия мерцающего света,
Чуть тёплый, красноватый тон земли...
Фантастика! находка для поэта!
Магическим сияньем приросли

Холодно-серебристые оттенки
Ожившего под кистью полотна.
Хозяйка ночи ласково, по-женски,
Льёт свет на Днепр – похоже, влюблена

В его спокойно-сонное дыханье
И в контуры соломы крытых хат...
Кузнечиков не слышно стрекотанья
И пения назойливых цикад.

И небо удивительно бездонно,
Насыщенное воздухом сполна.
Смотрю я на картину восхищённо.
Молитвенная сходит тишина...

Монахиня Сусанна

По картине Ильи Репина «Софья Алексеевна в Новодевичьем монастыре»
(1844–1930)

Богатая келья для знатной особы:
Иконы на стенах, ковёр на полу.
Испуганно жмётся монашка в углу...
Смятение, гнев, неприкрытую злобу

Читаю в глазах заключённой царицы,
Что, руки скрестив на груди, замерла
И мощною глыбой стоит у стола,
Как будто закрытая в клетку тигрица.

Окно зарешечено. Чувствует кожей –
Венчанью на царство положен конец.
В петле, пред окном, как укор ей – стрелец.
Придавлена горем, не сломлена всё же.

Кто звал образованной, кто ретроградкой,
Однако заслуг пред страной – не счесть:
Торговля, промышленность делали честь,
И сфера искусства, но было не сладко...

Вид мужиковатый, на редкость сметлива.
Училась наукам, писала стихи,
Пыталась взысканья смягчать за грехи.
Щедра, добродетельна, трудолюбива.

Царицею-матушкой звали в народе.
Имела сподвижников, авторитет...
Но братец* подрос – стал не мил белый свет.
Сусанной, монахиней быть здесь до гроба.

2020

* Сын царя Алексея Михайловича от второго брака, Пётр I.

Мгновенье встречи

По картине Ильи Репина «Не ждали»

Кого не ждали? Мужа? Сына? Брата?
Картина помнится со школьных лет.
Народовольцем был? Примкнул когда-то?
Остался недосказанным сюжет.

В их группе состоял? Я, думаю, навряд ли.
Амнистия в тот год быть не могла.
А что сочувствовал – как раз понятно –
Слабее правосудия метла.

Растерян, сдержан. Примут ли родные?
Жива ли мать? Отец? Был долгим путь.
Армяк потрёпан, сапоги худые.
Кора сомнений распирает грудь.

Впустила в дом с опаскою прислуга –
Недавно, знать, работает в семье.
Малышка-дочь во все глаза, с испугом,
Смотрела на пришедшего в рванье.

Жена застыла молча у рояля:
Удивлена, напряжена, а взгляд
Лишь подтверждает – ссыльного не ждали.
Сын-гимназист с восторгом смотрит, рад.

Рванулась мать, но оперлась на кресло,
В платочке чёрном. Значит, бати нет.
Частит сердечко. Нет. Нельзя так резко.
А на стене – Некрасова портрет.

Всё, как тогда: Тарас Шевченко в рамке,
Царь Александр на смертном на одре...
Мгновенье – сын воскликнет:
– Здравствуй, мамка!
Родная, обними меня скорей!

«И тешилось варварство в мире господ...»

По картине Василия Поленова «Цезарская забава» (1844–1927)

Мне жутко представить подобное зрелище,
Но это забава из древних времён.
Такого не встретишь в страшном бестселлере.
Жестокие нравы. Любой потрясён,

Увидев застывшую в ужасе женщину.
В разорванном платье, прижавшись к стене,
Стоит горемыка. Там тигр в напряжении –
Ни скрыться, ни спрятаться – смерть в западне.

Оскалив клыки, зверь готов к нападению,
А жертва стоит ни жива ни мертва.
И сил в ней осталось всего на мгновение –
В живую порвёт, зная, судьба такова...

А сверху балкон.
Светит солнце, смех зрителей...
Лишь Цезарь по статусу мог содержать
Забаву такую для римских патрициев.
Могли ль по ночам кровожадные спать?!

...Так слуг нерадивых казнили умышленно,
И тешилось варварство в мире господ.
Кошунство, невежество праздностью вышито.
С тем в новую эру вступает народ.

Патриархальный обряд

По картине Андрея Рябушкина «Чаепитие» (1861–1904)

Ужин в зажиточной сельской семье.
Холст необычный для мастера –
Это не «Свадебный поезд в Москве».
В доме неприязнь с пристрастием.

Седобородый старик в зипуне
С краю сидит, отрешён, призадумался.
Щёки горят, но тепла нет как нет.
Не помогает, похоже, и рюмочка.

Сзади – приказчик с бутылкой вина,
Многим по жизни обязан хозяину.
Только сейчас заправляет жена
Младшего сына, а, значит, нельзя ему

Так же, как давеча (тишь, благодать),
Старцу с почтеньем прислуживать.
Знать, молодухе нужда угождать, –
Властной, и хваткой, и злобной до ужаса.

В праздничном платье, в платке – за столом.
Суженый – рядом, с ухмылкой сытою,
К старшему брату повернут лицом
(Косоворотка, цветами расшитая).

Тоже ведёт себя как господин:
Брата, прислугу нисколько не жалует.
Нянька, кухарка стоят позади,
Дети с полатей глядят, с виду малые.

Четверо, якобы близких, сидят
Пред белоснежной крахмальной скатертью.
В воздухе ненависть чувствую, яд.
Чай, да не здесь, лучше – с нищим на паперти.

2020

«Утро стрелецкой казни»

По одноимённой картине Василия Сурикова (1848–1916)

Красная площадь. Осеннее утро.
Лобное место, где толпы зевак.
Виселиц ряд... возле храма – так жутко.
Скоро закончится жизнь бедолаг.

Царь молодой предстаёт нам тираном:
Горе стрельцам, что затеяли бунт,
Старшей сестре присягнув. Океаном
Кровь здесь прольётся чрез пару секунд.

Кто-то раздавлен, а кто-то не сломлен,
С яростной злобой глядит на Петра.
Тот – с иностранцами, свитой огромной...
Конь под ним крепкий стоит, как гора.

Головы сечь и колоть будет дерзко
Тех, кто пока что сидят в кандалах.
Непослушание для самодержца
Многим внушает немислимый страх.

Черноволосый стрелец на подводе
Черни последний отвесил поклон
(Пётр за спиной), игнорируя, вроде
Не удостоит вниманием трон.

Рыжебородый встречается взглядом,
Яростно смотрит в упор на царя.
Он понимает – не будет пощады,
Не для него разгорится заря.

Главным героем впервые в искусстве
Стал самобытный российский народ,
На долю которого выпало густо
Войн и баталий, бед и забот.

2020

«Фортуна, увы, здесь бессильна...»

По картине Василия Сурикова «Меншиков в Берёзове»

Ближайший соратник, сподвижник Петра,
Его фаворит, коль по сути.
Интриги плести мог искусно вчера,
А нынче – и сам стал подсуден.

Невиданной власти, богатства достиг
И титул Светлейшего князя,
Но вдруг оказался в тенетах интриг
И рухнул из князя да в грязь он.

Талантливый, умный, сидит за столом
В избе деревенской, в тревоге.
В нелёгкие думы с лихвой погружён:
Скончалась жена... по дороге...

Своими руками семью загубил
Невольно, хоть был он при власти.
А выживут дети? Достанет ли сил?
Лишились всего в одночасье.

Закуталась в траур Мария. Бледна.
Не будет с царевичем свадьбы...
К отцу прислонясь – ни вдова, ни жена,
Что жить опостылеет, знать бы.

Могла ведь голубкой порхать на балу
И даже – стать императрицей...
Пусть тёплая шкура лежит на полу –
Блестящая жизнь только снится.

Неверно сказать, что они в нищете:
Богатая скатерть, иконы...
Понятно, что тесно – хоромы не те –
И век не видать ей короны.

Сынок Александр безучастен лицом,
В раздумье свечу созерцает.
А младшая дочь – тёзка брату, пред сном
С надеждой им книгу читает.

Вползает в оконце неласковый свет,
Печально взирает на ссыльных.
Лишь Богу известно: им выжить иль нет.
Фортуна, увы, здесь бессильна.

На реке на Каяле...

По картине Виктора Васнецова «После побоища Игоря Святославича» (1848–1926)

Над степным разнотравьем
сгущаются сумерки.
Око ночи встаёт из свинцового марева,
Равнодушно взирая на жертвы несметные.
Тянет дымом и гарью с побоища жуткого.
Смерть витает над степью, телами усеянной.
Тишина воцарилась жестокая, страшная
«На реке на Каяле, у Дону Великого...»,

Никогда не поднимутся славные русичи,
Что мечи преломили на лютого врага,
Никому не расскажут о сечи невиданной,
Как в три дня и в три ночи поганые половцы
Одолели их в битве несметным количеством.
А князья не спешили на выручку к Игорю,
Каждый сам по себе
плёл крамолу на ближнего.

...Прилетит ветерок, шевельнёт оперение
Половецкой стрелы,
что пробила грудь княжича,
Пробежит, чуть взъерошит ему кудри русые.
Колокольчики синие затрепещут над юношей,
Сожалея о смерти жестокой, безвременной.
Богатырь рядом с ним
бездыханный раскинулся.
Скоро все они станут орлиной добычейю.

После жатвы кровавой мечи поразбросаны
И щиты, и шеломы, секиры тяжёлые –
Это всё, что осталось от славного воинства.
Храбрый князь Святославович
Новгород-Северский
Не собрал воедино погрязших в усьобицах.
Поглотила чужбина дружину отважную
«На реке на Каяле, у Дону Великого...»

2020

Похищенные царевны

По картине Виктора Васнецова «Три царевны подземного царства»

Нагроможденье тёмных скал
В сторонке чужедальней.
Закат коварно полыхал
На небе на печальном.
Косяк из мрачных облаков
Усугублял тревогу.
Царевен трёх безмолвный зов
Молил и ждал подмогу...

– Кто вас похитил, царевен прекрасных?
Дух ли нечистый иль коршун-злодей?
Кто затуманил очей ваших ясных
Свет, что каменьев и злата сильней?

О доме брошенном тоска
Занозою застыла.
Несчастливых доля нелегка,
Богатство им постыло.
Но отношение к судьбе
У всех троих разнится.

Дух русский не сдержать в узде:
Вглядитесь-ка в их лица.
Смотрит надменно сестра «Золотая» –
Гордый, холодно-презрительный взгляд.
«Медная» – проще, живее, мечтает...
Обе надели шикарный наряд.

Но «Угольной» царевны вид
Раним и беззащитен –
Растеряна, душа болит,
В ней ужас – не взыщите.
И платье чёрное на ней,
И руки опустила.
Иван-царевич там на дне –
Могла б, заголосила:

– Любый, очнись! Мы средь скал, что на дыбе.
Лживы твои оказались братья:
Бросили в яме тебя на погибель.
Нам же – неволя... худые мужья...

«Ковёр-самолёт»

По одноимённой картине Виктора Васнецова

Рано-ранёшенько. Ширь неоглядная.
Стелется низко туман...
Мчится по небу кометой нарядною
Юный царевич Иван.
Речка ленивая катится сонная.
Чахлах деревьев рядок.
Тишь и уныние... Небо бездонное,
Месяца серп одинок –

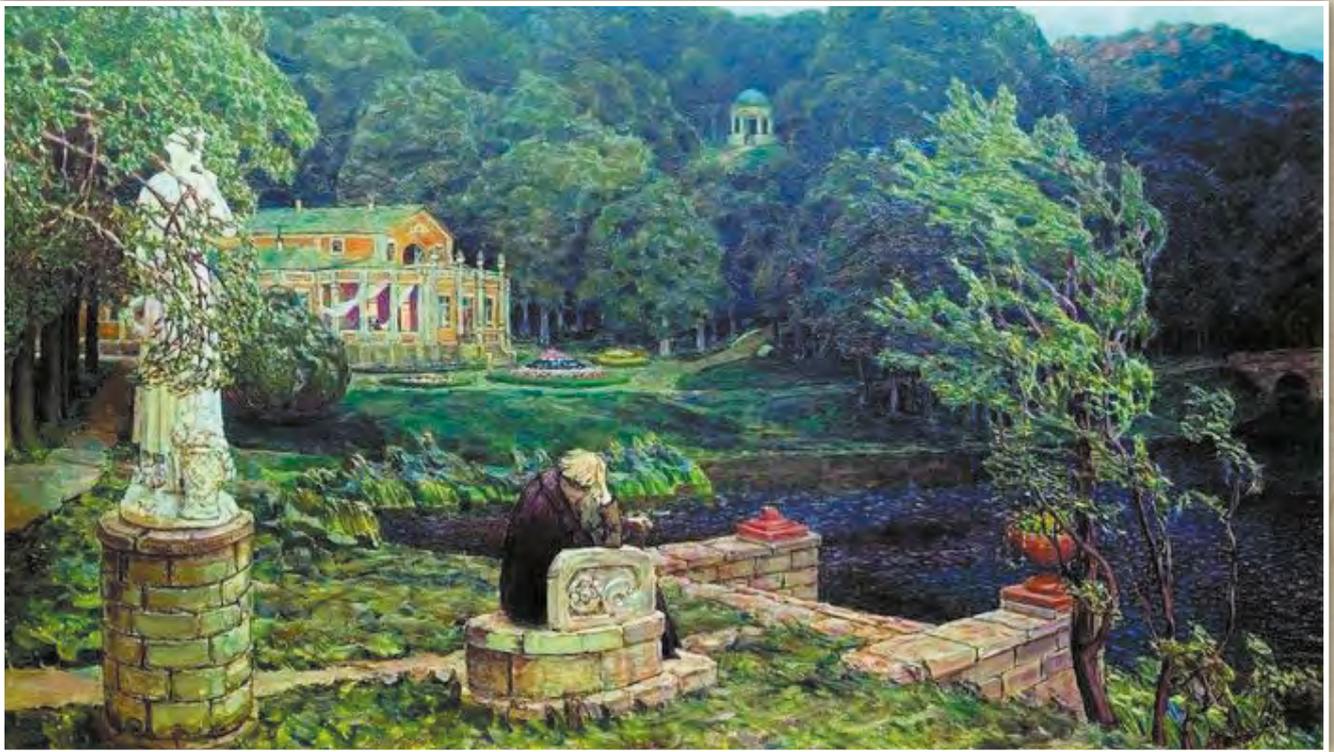
Тонкий, изящный... за облачком прячется,
Смотрит и в толк не возьмёт:
– Что за диковинка мчится ли, скачет ли?
Чудо-ковёр-самолёт?!
Древними кельтскими рунами вышит он,
Сочен его колорит,
А по краям – будто крылья колышутся.
В центре – царевич стоит.

Сколько прошёл испытаний? Неведомо.
Гордый, уверенный взгляд...
Скоро рассвет – он вернётся с победою.
Совы – напрасно летят.
Держит он клетку с прекрасной Жар-птицею –
Цвет неземной красоты!
Может, в невесту она обратится, и
Станет их мир золотым?..

Небо светлеет... едва розоватое.
Солнце неспешно взойдёт.
Нечисть – повержена, в щели попрыталась.
Света настанет черёд!

Служили искусству

По картине Аполлинария Васнецова «Шум старого парка» (1856–1933)

Картину закончить он смог к юбилею.
Лишь год миновал, как ушёл старший брат.
Взыскательно смотрит, от боли немея
(Одна из горчайших по жизни утрат).

Момент исторический брату был важен –
Для сказок, былин персонажи писал,
А младшему прочил он вятским пейзажам
Всю душу отдать, видел в том идеал.

Но младший увлёкся старинной Москвою,
Звал Крым... и Урал, Кама, Днепр и Сибирь...
Бездонное небо дышало живое,
Пленила, влекла неохватная ширь!

Поодаль с колоннами дом освещённый,
Ротонда чуть выше горюет пустой.
Жизнь в творчестве...
Кистью вели вдохновлённо,
Искусство навеки им стало судьбой.

...Безудержный ветер деревья гнёт, травы,
Сгущаются сумерки, близится ночь.
Природа в движении – над ней нет управы.
Старик на скамье обветшалой. Невмочь...

Застыл изваянием в мыслях о чём-то.
Придавлен бедою и тоже скорбит?
Быть может, себя вспоминает мальчонкой?
И что-то его с непогодой роднит?..

Сидит безучастен, настигло бывшее,
Не шелохнётся, а ветер бугрит
Поверхность пруда с потемневшей водою.
Тревожен и сумрачен парковый вид...

2022

Он миру новое сказал...

По картине Михаила Врубеля «Демон сидящий» (1856–1910)

Далеко за колючими скалами,
Сплошь покрытыми чудо-кристаллами,
Распечатала тьму золотая заря.

Свето-лучики неторопливые
Минералы зажгли переливами,
Цветовую мистерию вдруг сотворя.

Аметисто-жемчужно-багровые,
Изумрудно-алмазно-пунцовые –
Бриллианты достойны короны царя.

Привлекает невольно внимание
Скорбь, застывшая изваянием,
Молодого гиганта задумчивый взгляд

Средь восторга, сиянья и хаоса...
То ль со страшной дороги взял паузу,
Дерзость, гнев, дух мятежный смиря?

Неизбывная, неуголимая
Грусть-тоска, что извёл он любимую...
Обречён на бессмертие вечное зря.

В аллом блеске зрачка – одиночество,
Но душа без любви обесточена,
И застыла слеза, жгучей болью горя.

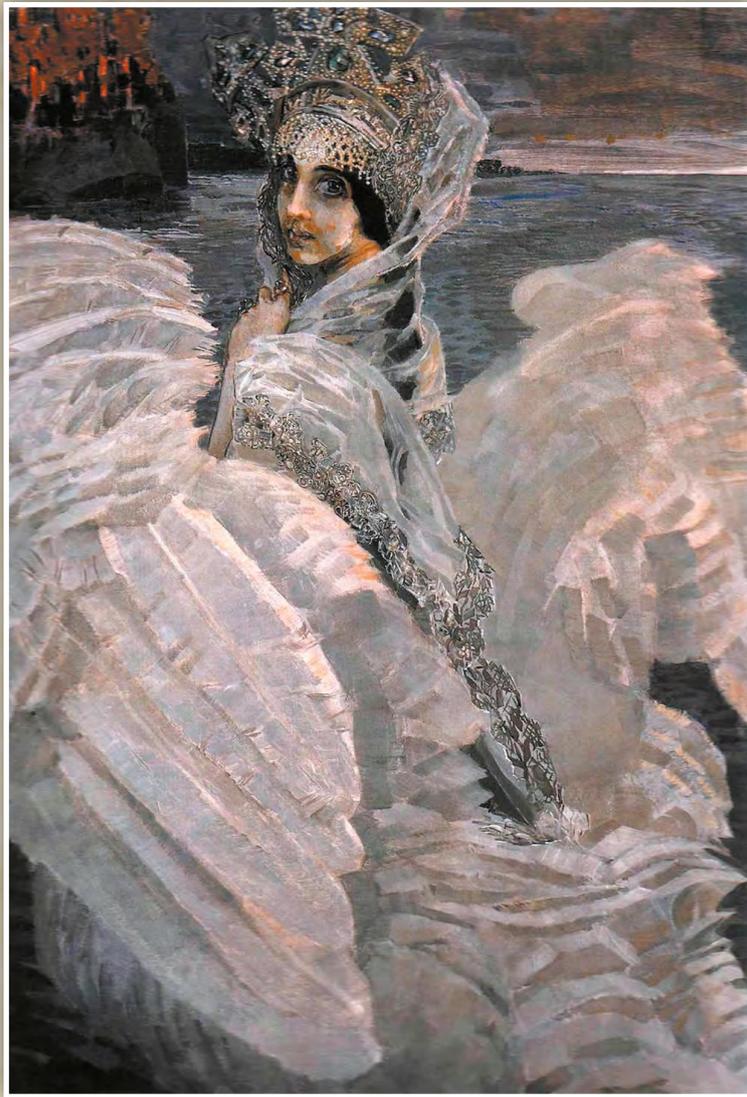
Беспокойный, порочный, надменный он,
Злодеяньями полнил Вселенную,
Двери адовы ядом вранья отворя.

Падший ангел, изгнанник из рая он,
Мощный телом, с душою израненной.
Но... не гаснет над ним золотая заря...

2020

Навстречу счастью

По картине МИХАИЛА ВРУБЕЛЯ «ЦАРЕВНА-ЛЕБЕДЬ»

Поверх пучины вполоборота
Царевна-Лебедь стоит безмолвно.
Ей шепчут сагу морские волны,
А в мыслях девы – далёкий кто-то...

Бездонный взгляд из другой вселенной.
Глаза-колодцы – сквозит тревога
(неясность, мистика... боль... немного),
Но притяжение к ним – мгновенно.

О ком грустишь ты, Царевна-Лебедь?
Что хочешь тайное нам поведать?
В подводном царстве лелеять беды
Иль птицей белой кружиться в небе –

Коварно-тёмном, как даль морская?..
Не видишь, милая, чудо-остров?
Там жизнь степенно течёт и просто,
Огни в окошках тепло мерцают.

Расшит алмазами твой кокошник:
Холодный цвет серебристо-белый.
Лети скорее! Да будь же смелой!
Ты так несчастна и так роскошна!..

Навстречу счастью стремись, родная.
К чему печали, тоска-кручина?
Томиться Лебедью нет причины –
Там светлый князь, там любовь – я знаю...

Надежда эпохи

По открытке Александра Лаврова «Паренёк-артиллерист» (1857–1937)

Совсем мальчишка, как герой,
Стоит у пушки, со снарядам,
В фуражке, в форме полевой,
С улыбкой, будто на параде.
Отважен, смел артиллерист,
Уверен, крепок духом, молод.
Не ведает – в окопах тиф,
А в армии – снарядный голод.
Сарыкамыш не брал солдат*,
Не мёрз в окопах, не был вшивым
(От Припяти и до Карпат

Гуляла смерть, полки косила).
Не знал про хлор и про иприт,
Не плавился в огне Вердена,
Но дух поднимет, победит,
Врага он сломит непременно.
Открытка Первой Мировой –
Надежда, вера той эпохи.
Посмотришь – всё не так и плохо:
Народу нужен был герой,
Чтоб мир спасти от катастрофы!

* В декабре 1914 – январе 1915 гг. русская Кавказская армия остановила наступление 3-й турецкой армии.

Вперёд, пехота!

По открытке Александра Лаврова «Солдат-пехотинец»

Вперёд, пехота, шире шаг!
Как весел и юн победитель!
Несёт штандарт. Повержен враг!
Весь мир приветствует спаситель.
Идёт в потёртых сапогах,
А на плече – шинелька-скатка.
Солдат-герой – неведом страх.
Российский парень есть загадка.
Освободитель всей земли,
Поборник мира – так считали,
На рушниках хлеб-соль несли.
А помнят ли сейчас? Едва ли...

Февраль, как коршун, налетел,
Сметая злобными крылами
Победы праведное знамя,
А дальше – вовсе беспредел.
В разгаре бойни мировой,
Мир заключив позорный в Бресте,
Ушла с поклонной головой
Россия... но достоин чести
Солдат, что, жизни не щадя,
Мир защищал по воле рока.
Отныне – раз и навсегда –
Исчезла старая Европа...

Невыдуманная история

По картине Исаака Левитана «Март» 1895 г. (1860–1900)

Снег ещё не сошёл, но подтаял местами.
На берёзе скворечник пока что пустой.
Поглядишь – он наполнится скоро жильцами...
Дом господский пьёт свет, «оглушён тишиной».
Поджидает весну. Дверь распахнута настежь.
Общий солнечный фон, рыжеват колорит.
В скором времени здесь разыграются страсти*.
Запряжённая в сани лошадка стоит.
Синева безупречная чистого неба.
Утро радостью дышит, и воздух пьянит.
Пусть тепло ещё робкое, чуда не требуй.
Вот и дальние сосны пока что в тени...
«Повелителем марта» коллегами признан,
Потому что природою был одержим.
Этот «Март» чуть не стоил художнику жизни,
Злую шутку невольно устроил над ним.
Мир в семье, где гостил, не желая, порушил:
И хозяйка**, и дочка влюбились в него.

Обаятелен, мил. Враз похитил их души.
Застрелиться пытался, уйти от всего...
Выручал из беды (кто б вы думали?) Чехов!
Лучший друг Левитана – писатель и врач,
Получив телеграмму, он срочно приехал:
Знал – художник, что порох, раним и горяч.
Подлечил и – назад. А волненья не стихли.
Треугольник – занозою в сердце с тех пор.
Напряжение в воздухе кружится вихрем,
Снова трудный случился в семье разговор.
Взяв ружьё, вышел к озеру он после ссоры,
А вернулся с убитою чайкою вскоре.
Птицу белую, вольную прямо к ногам
Бросил с вызовом горьким одной из двух дам.
Год-другой... и у Чехова пьеса родится
О любви, об искусстве, где главный герой,
Уходя, бросит под ноги мёртвую птицу –
Чайку – той, что до смерти любил всей душой.

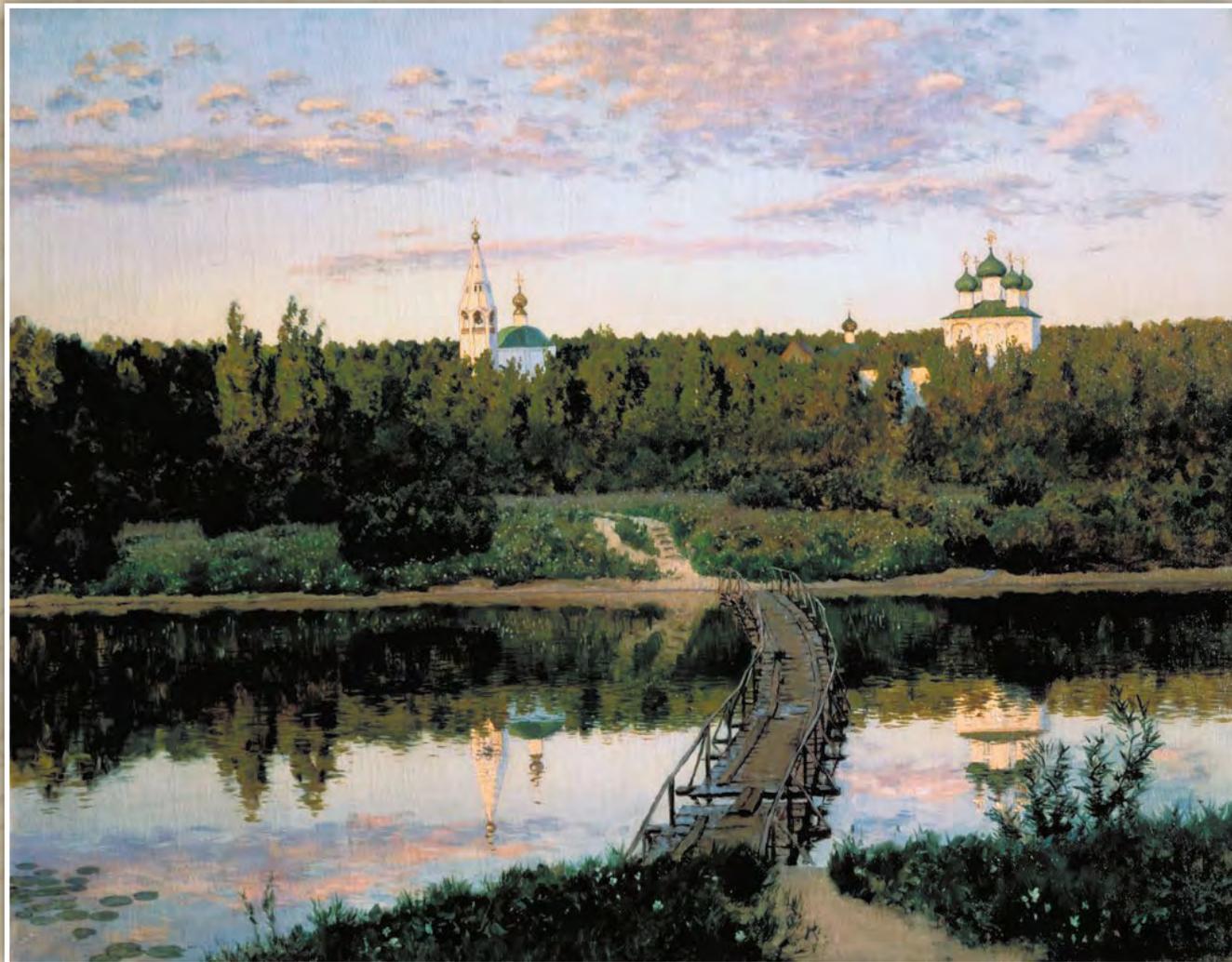
2023

* Поместье Горка в Тверской области, имение Турчаниновых.

** Наталья Ермильченко «Знаменитые полотна русских живописцев», Москва 2007, изд-во «Белый город», стр. 30.

У монастырской стены

По картине И. Левитана «Тихая обитель»

Величавость, размеренность, тихая грусть,
Монастырь, утопающий в зелени.
Через речку мосток... Покаянная Русь:
Широты и раздолья немерено.

По одной из тропинок я к храму пройду,
Чистоты чтоб духовной коснуться,
Благодати отпить, быть с душою в ладу,
Чтобы в мир просветлённой вернуться.

У стены постою. Здесь особая жизнь:
Без мирской суеты, лицемерия.
В кельях – лики икон, нет коварства и лжи.
Состраданье, прощенье, доверие...

Зачинается день. Робкий солнечный свет.
Купола... и кресты золочёные...
Погружаюсь безмолвно в суть прожитых лет
И молитву шепчу потаённую.

Тишина и спокойствие льются кругом.
Облаков розоватое кружево
И деревья – стеной. Смотрят в речку тайком.
В созерцанье глубинка погружена.

Русская деревня

По картине Константина Коровина «Охотино» (1861–1939)

Энергия размашистых мазков,
На первый взгляд, как будто хаотичных,
Однако живо, гармонично
Легла на холст движеньем облаков.

Насыщенное воздухом сполна,
Играет небо синевою.
Изменчиво. По центру – грозное.
Вдали полоска ясная видна.

Родной, до боли близкий уголок.
Быт деревенский мил и дорог.
Неторопливый листьев шорох,
Крыш островерхих шепоток...

Глубинкой прирастает Русь.
Трудом и добротой душу полнит,
Отзывчива к беде и, зла не помня,
Живёт несуетно и нежит грусть...

2021

Крымская идиллия

По картине Константина Коровина «Гурзуф» (1861–1939)

Трепет листьев, ветра дуновенье...
Блики солнца пьют морскую рябь.
Буйство красок песней вдохновенья
Рвётся в небо – рай, ни дать ни взять!

Крым. Гурзуф. Порхают мотыльки
Радужными пятнами, как в кадре.
Яркие, широкие мазки,
Словно декорации в театре.

Жаль, не удержать судьбы мгновенье.
Дача... здесь идиллия царит.
Тонкоструйно льётся настроенье.
Души лечит южный колорит...

В самом деле, хрупок мир, беспечен.
Лето. Год семнадцатый. Рекой
Льётся кровь, народа жизнь калеча.
Жертв – без счёта в Первой Мировой.

Хаос, беженцев в Крыму как грязи.
Впереди – Гражданская война...
Брат – на брата, вдрызг устои, связи!
Белым, красным хватит бед сполна.

2021

Эпизод из «Жития Сергия Радонежского»

По картине Михаила Нестерова «Видение отроку Варфоломею*» (1862–1942)

Погожий осенний денёк,
Струющийся золотом в каждой травинке,
Искрится среди светлых берёз и рябинок,
Трепещет в них каждый листок.
И воздух хрустальный звенит.
Запутался лучик в сети паутинок...
У дуба могучего молится схимник –
Пред ним юный отрок стоит.

В рубашке, сафьяновых красных сапожках,
Уздечка свисает с руки –
Застыл и сцепил от волненья ладошки,
Глаза, что круглы пятаки.
Вокруг головы он увидел сиянье
И ангела в старце признал.
Такое в душе поднялось ликование –
Забыл, что он лошадь искал.

Смиренно стоял до скончанья молитвы,
Неспешно лилась благодать...
Чтоб грамоту в корне познать,
Он к иноку с просьбой решил обратиться.
По нраву тому паренька устремление –
Мечта всех дороже похвал,
Легонько его приобнял
И благословил на святое ученье...

2020

* Сергий Радонежский в миру носил имя Варфоломей.

Юность, ставшая вечностью

По картине ВАЛЕНТИНА СЕРОВА «ДЕВУШКА, ОСВЕЩЁННАЯ СОЛНЦЕМ» 1888 г. (1865–1911)

Парк усадьбы Домотканово.
Зной полуденный. Жара.
Каждый раз, как будто заново,
Бликов солнечных игра...

Привлечёт к себе внимание
Маша – девушка с холста*:
Юность, свежесть, обаяние.
Взгляд задумчив, чистота...

Смотрит пристально у дерева,
Опершись слегка на ствол...
(Друг Серова – Врубель**, в «Демоне»
Роль Тамары ей отвёл).

А пока – дела сердечные,
Флирт, немного смущена.
Облик юности стал вечностью.
Созерцает мир она.

Стрекотание кузнечиков
Нарушают блажь и тишь.
Эх ты, времечко беспечное!
Счастье разве объяснишь.

Он писал. Писал отрадное.
Был шедевр приобретён
Третьяковым. Стал наградой
Гонорар из тех времён.

Позже, Маша в эмиграции
проживёт немало лет.
Будет душу греть во Франции
Повторение-портрет.

Жизнь свои расставит правила:
Карты спутает война.
И второй портрет отправила
В Третьяковскую она.

2021

* Мария Симонович – двоюродная сестра художника.

** Михаил Врубель в юности симпатизировал Маше.

Великий реформатор

По картине ВАЛЕНТИНА СЕРОВА «ПЁТР I»

По зыбкой насыпи, уверенно,
Широкой поступью победной
Шагает царь. Знать, здесь намерен он
Построить град на зависть шведам.

Болота судорожно пятятся,
Навстречу – ветер, хлад до дрожи.
Благоволят его «чудачествам»,
В плащи закутались вельможи:

Идут, согнувшись в три погибели.
Денщик с царёвой треуголкой
Спешит след в след за повелителем,
И свита – следом, втихомолку.

Петра напор, накал энергии
Сметают древние устои.
Работный люд под плетть имперскую
Столицу будущую строит.

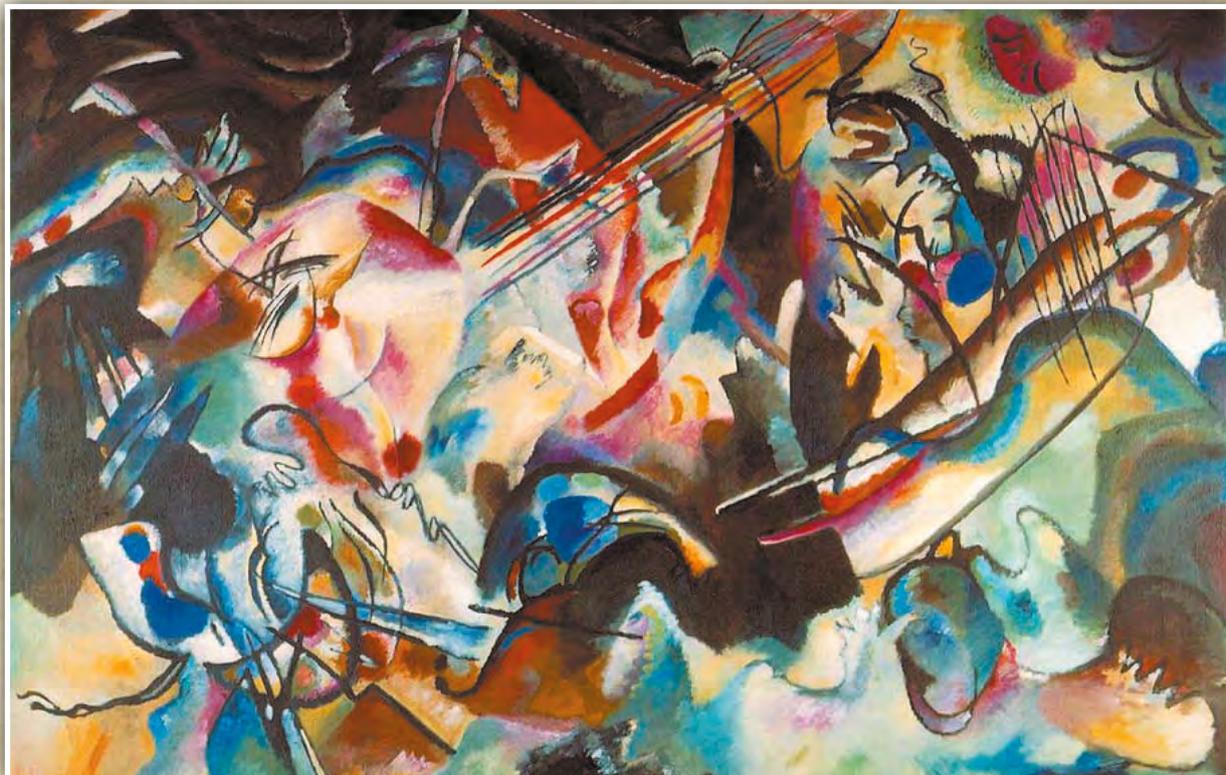
Суда военные, торговые
(Размах, простор необычайный)
Стоят смиренно, пришвартованы.
Зовут, зовут их к морю чайки!

Народ, пусть худо-бедно – селится,
Пустынный край обжить готов он.
Пьёт воду из Невы корова...
Перетирает судьбы мельница...

Игла собора светит золотом
Над своенравною рекою
С другого берега... Легко ли
Быть государем, коли молод он?

Что же всё-таки происходит?

По картине Василия Кандинского «Композиция VI» 1913 г. (1866–1944)

Притяженье невольное чувствую
Каждый раз, как смотрю композицию.
Катаклизмы? Стихийное бедствие?
Катастрофа масштаба вселенского?..
Корабля очертания чудятся,
Будто тонет в бушующих волнах он.

А в клубящихся массах материи
Хаотично ко дну устремляется
Всё, что прежде дышало и двигалось,
И предметы, когда-то столь нужные,
А теперь бесполезно-бесхозные,
На глазах распадаются, рушатся...

А по центру, в пару бело-розовом,
Где-то там созревает звучание
Новой жизни, пока что в зародыше.
Фуга розовых пятен, играючи,
Создаёт из всего песнь хвалебную,
К обновлению мира грядущего.

Красно-синие грубые полосы,
Поперечные чёрные линии,
Безнадёжности ноты в коричневом
Диссонируют, спорят, толкаются...
В левом верхнем углу непроглядная
Чернота поглощает эмоции.

В цветовую вникаю феерию:
Всё не так безысходно, как кажется,
Катастрофа, потоп ли закончатся.
Оживляют вкрапления жёлтые,
Справа свет вижу душеспасительный,
Белый-белый, ничем не запятанный.

2021

В поединке сошлись тьма и свет

По картине Василия Кандинского «Чёрный и фиолетовый» (1866–1944)

То ли шифр, то ли код в геометрии?
Здесь конкретику сложно найти.
Присмотрюсь – пара лодок в пути...
Проскочили затмение по ветру ли?

Но скорее всего – повезло...
Третья слева, похоже, замешкалась.
В чём причина задержки? Померкнувший
Мир над нею, а справа – светло.

Эх, успеть бы и ей да под парусом,
Только буря взяла в оборот.
Чернота непременно пройдёт.
Флаг российский пугать ли кошмарами?

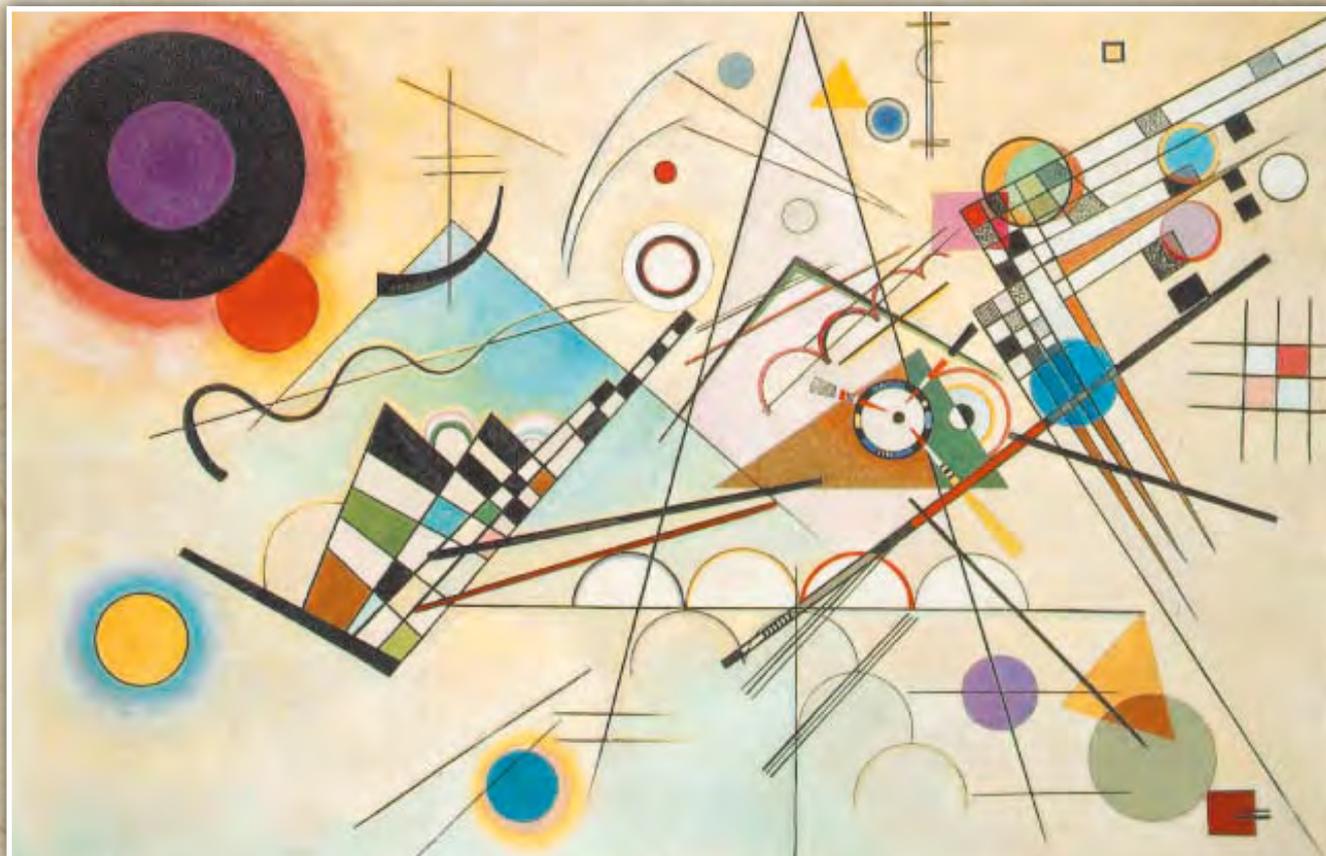
В поединке сошлись тьма и свет,
А контрастные чёрные линии
Всюду: вдоль, поперёк, будто клинит их,
Драматизм добавляют в сюжет.

По Кандинскому, цвет фиолетовый –
Остывающий красный – печаль.
Навсегда уплывает? Едва ль.
Со страной расстается? Поэтому?..

2021

От цвета к форме

По картине Василия Кандинского «Контрастные звуки» (1924)

Услышать в музыке цветá,
Запечатлеть её мгновенья,
Впитать, как заповедь Христа –
Источник страсти, вдохновенья.
Душа художника – рояль –
Звучит печально, многострунно
О сокровенном, как по рунам.
Смогу ли всё прочесть? Едва ль...

Остроконечный треугольник,
Что движется вперёд и ввысь,
Намерен свой исполнить сольник,
Стремиться в завтра – есть девиз!
Окрашен жёлтым, будто взрыв,
Гудит трубой его порыв.
Зелёный цвет уравновешен,
Течёт по клавишам судьб,

Звучаньем скрипки слух утешит,
Искусство – есть духовный хлеб!

Материальных благ пятно
Пугает в круге чернотой.
Упадок духа, ночь, темно,
Но исцеления зерно
Уходит в синий – глубиной.
Покой и холод, лунный свет,
Волненье моря, стынет вечность,
Виолончель столь безупречна...
Непредсказуемый сюжет!

Звук голубой дыханьем флейты
Способен нежность передать,
Разлить покой и благодать.
– Хотите волшебства? Испейте.

2021

В мире фантазий

По картине Василия КАНДИНСКОГО «Маленькая мечта в красном» (1925)

Как подарок, жене преподнёс
Он мечту, на холсте сотворённую:
Из фантазий, таинственных грёз,
Из глубин естества извлечённую.

Кто-то скажет, что вымысел, бред
И цвета полинялые, блёклые...
Но, всмотритесь, светящийся след
Создаёт удивительно-тёплое

Состоянье лиризма, покой.
Будто пар жёлто-светло-коричневый
Превращается в шар золотой.
Сочетанье цветов необычное.

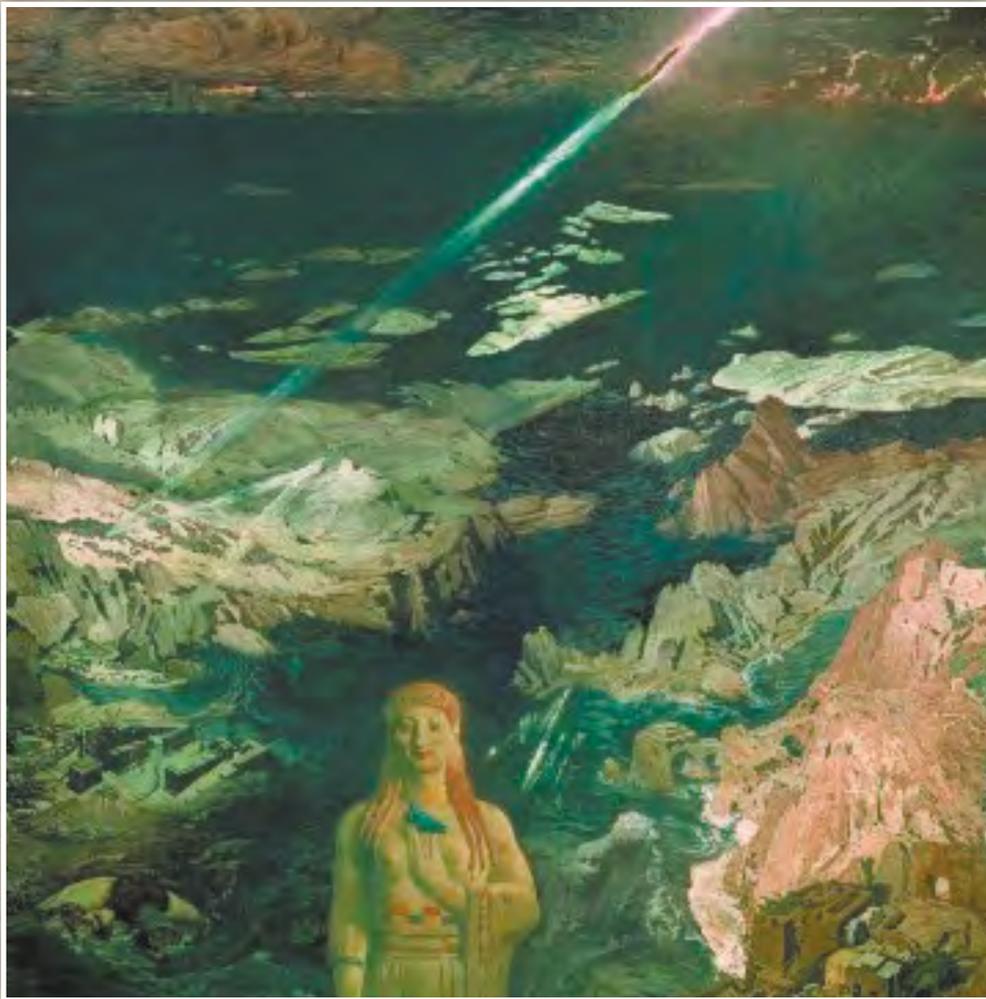
Лёгкий ритм одиноких фигур.
Два-три пятнышка цвета глицинии...
Кто-то вновь возразит: «Каламбур!»
...Романтический круг, точки, линии

Добавляют фактуре кураж,
Преломляя духовность в абстракцию.
Пусть творят краски, кисть, карандаш!
Не беда, что различна реакция.

2021

«Древний ужас»

По одноимённой картине Леона Бакста (1866–1924)

Неистовая водная стихия
Разверзлась, Атлантиду превращая
В легенду-миф утерянного рая,

Где Бога сыновья – юнцы лихие –
Сошли с небес на чудо-остров к девам
(Конечно, согрешили). Ну и... где вы?

Заблудшие потомки Посейдона
В пучине океана исчезали.
Останется ли кто в живых? Едва ли...

Глубокий ужас. Ад крошечный. Стоны.
Над хаосом – богиня Афродита
С улыбкой нежной, будто в ней защита,

Смотрела, как идут под воду храмы,
Голубку мира к сердцу прижимая,
Величественно-гордая, немая –

Без тени сострадания на драму.
Тьму рассекали молнии зигзаги,
Тонули полубоги-бедолаги...

Смотрю картину, пальцы жму до хруста,
Чтоб совладать с волнением... и что же?
Глаза закрою – вновь мороз по коже...

Погибло всё, но только не искусство,
Что катаклизмам, бурям неподвластно:
Оно непобедимо и прекрасно!

«Нет пророка в своём отечестве...»

ПОСВЯЩЕНИЕ ФИЛИППУ МАЛЯВИНУ (1869–1940)

Он с детства полон планов и затей:
Стать живописцем, резчиком, быть может?
Мог вырезать фигурки птиц, зверей,
А мог икону срисовать похоже.

Учиться бы, да нищета в избе...
Крестьяне денег всем селом собрали
В Афон далёкий: «Парень, не робей!
Иконописцем станешь в идеале».

«Всё так, однако, слабы мастера», –
Он научился размышлять с собою
И видеть, что не замечал вчера.
Так в Петербург уехал за мечтою...

В один сеанс смог набросать портрет –
Замечен в Академии художеств.
Vivat искусству! Торжество, расцвет!
У Репина учился, дар умножив.

Малявин пишет искромётный «Смех».
Русь сарафанная, весёлая, шальная!
Не защитился, но... догнал успех:
Гран-при в Париже! Мать моя честная!

В своём отечестве пророка нет –
Нет истины правдивей и нелепей!
Ворвался на Олимп ярчайшей из комет,
Огнём души холсты его согреты.

Апофеоз всего таланта – «Вихрь»!
Горит так ярко – рядом всё бледнеет.
Пять баб могучих, крепких, налитых
Кружатся в пляске. Юбки пламенеют,

В магический сплетаясь хоровод
Пунцово-алых красок и багряных.
Год Первой революции идёт.
Напор, стихия в пляске окаянной!..

2020

Выбрал собственный путь

По картине Виктора Борисова-Мусатова «Водоём» (1870–1905)

Выбрал собственный путь
и не плыл по теченью.
Жаль, что он оказался недолгим.
Восхищали Мане, Ренуар, Боттичелли,
Крепло чувство причастности к Волге.

«Водоём», «Гобелен» и «Весенняя сказка» –
Мир, что кистью художника соткан,
Был при жизни к нему беспощадно неласков...
Созерцаю шедевров полотна.

«Куст орешника», «Реквием», «Отблеск заката»,
И «Осенний мотив», и «Две дамы».
Их душою писал неуёмный Мусатов,
А мне слышатся нотные гаммы...

У воды две фигурки – сестра и невеста:
Кружевные накидки, что крылья.
Элегантны, стройны.
Что их ждёт, неизвестно.
«Как неплохо вы здесь жили-были...»

Блики света скользят, словно призраки, робко
По зеркальной поверхности пруда.
Отраженья деревьев купаются, тропка
Облаков очарованных – чудо!

2020

«Уснувший мальчик»*

ПОСВЯЩЕНИЕ ВИКТОРУ БОРИСОВУ-МУСАТОВУ (1870–1905)

Тишина, напоённая светлым покоем.
Воздух таинством неким заряжен.
На крутом берегу, над могучей Окою,
Вековые берёзы на страже...

Затаённую грусть ощущаю при взгляде
На юнца, что застыл безмятежно.
Заповедную Русь уходящих усадеб
Воспевал удивительно нежно,

Косогор, где он каждую кочку облазил,
Где этюды писал неустанно
Средь задумчивых рощ, в мире грёз и фантазий,
Задремавших в осенних туманах.

Небольшой городок, живописный, уютный,
Под негромким названьем Таруса,
Стал скитальцу последним,
конечным маршрутом,
Постоянным пристанищем грусти...

Чуть поодаль покоится камень огромный –
Кенатаф легендарной Марины.
Два великих творца, что пичуги бездомны,
За обочиной жизни недлинной...*

2020

* Надгробный памятник В. Э. Борисова-Мусатова, выполненный скульптором А. Т. Матвеевым.

Игорю Грабарю

Профессор, художник и искусствовед,
Эксперт-реставратор, историк он.
Музейщик, какого не видывал свет,
А всё остальное – риторика.

Зимняя сказка

По картине ИГОРЯ ГРАБАРЯ «Иней»

В голубой лазури неба
Перезвон хрустальный слышу.
Гимн природе льётся свыше!
Благодарственный молебен
По берёзкам белоствольным,
В нежный жемчуг облачённых,
В Русь исконную влюблённых
(величавым, тонким, стройным),
Всей душой читать готова.
Им к лицу пришлась обнова.

Кружева мороз рисует,
Каждой веточкой люблюсь.
Вышло зимнее Светило,
Щедро их посеребрило.
Красоту берёз приметив,
Притаившись, дремлет ветер.
Светотеней переливы
Ниц ложатся шаловливо,
То отдельно, то попарно.
День морозный, лучезарный!

2021

Размышления у картины

По картине ИГОРЯ ГРАБАРЯ «ЛЕНИН У ПРЯМОГО ПРОВОДА» (1871–1960)

Возможно, читатель осудит меня –
Деянья вождя под сомнением.
Однако мне больно, как день ото дня
Глумятся над прожитым временем.

Я звёздочку, галстук храню до сих пор,
Как память о детстве, реликвию.
А кто-то уверен, что прошлое – вздор.
Ругать то, что было, привыкли мы.

И Ленин – диктатор, к тому же бунтарь.
Нужна ли была революция?..
Я чувствую образ, что создал Грабарь,
Советской горжусь конституцией.

Светает. Сиреневый брезжит рассвет.
Но лампа ещё не погашена.
Стол, карты, прикрытая дверь в кабинет,
И чай недопит со вчерашнего...

В костюме и свежей сорочке – Ильич.
В раздумье стоит посреде комнаты...
Похоже, вот-вот продиктует он клич:
«В опасности Родина – помните!»

Кругом интервенты, республику рвут
На части и с юга, и севера.
Восток громыкает и с запада жмут.
Летят сообщения веером...

Застыл в ожидании телеграфист,
Готов выполнять приказания.
Внимателен, молод, восторжен и чист,
Глядит на вождя с обожанием.

...Они сохранили величье страны,
Просторы её приумножили.
При нас развалился Союз без войны.
Простить невмешательство сможем ли?..

2020

Куклы как люди

По картине АЛЕКСАНДРА БЕНУА «КИТАЙСКИЙ ПАВИЛЬОН. РЕВНИВЕЦ» (1870–1960)

Причудливый китайский павильон,
Рубиново-сияющие стёкла.
Густая синева. Спит водоём:
В нём отраженья звёзд совсем промокли.

Реальность? Декорации в ночи?
Сияет, будто сказочный фонарик.
Возможно, в нём мелодия звучит...
Какой волшебник вылепил сценарий?

И нежится свиданий островок,
Что затерялся меж двумя мирами.
А в киновари чудится Восток,
И кавалер лепечет что-то даме,

Придерживая бережно рукой
Её – принцессу в длиннополой шубке.
В их душах разливается покой,
А мир вокруг загадочный и хрупкий.

Поодаль – силуэты двух гондол,
А у окна – обманутый, наверно.
Он при параде, но растерян, зол –
С подругой обнимается соперник.

Стоит ревнивец, нет на нём лица,
Бормочет: «Вот наглец! Целует в губы!»
...Вдали тускнеют контуры дворца,
И ночь тихонечко идёт на убыль.

А тени в павильоне мельтешат.
Быть может, куклы? А, быть может, люди?
И ссорятся, и мирятся, и любят,
Лишь подтверждая: наша жизнь – театр.

Дипломная работа

По картине Николая Рериха «Гонец. Восстал род на род» (1874–1947)

На холме приютились жилища,
Спят славяне, сморил их Морфей.
Ночь глубокая, месяц, затишье...
А вокруг – частокол. Лошадей
Черепá по верхам – в устрашенье –
Духов злых отгонять от селенья.

Но скользит потихоньку лодчонка
По извилинам тёмной реки.
Точит душу тревога о чём-то,
Думы старца безмерно горьки.
Знать не должен никто о визите,
Гибель страшная утром грозит им.

До рассвета успеть бы добраться,
Ох, недобрые вести везёт:
– Просыпайтесь скорее же, братцы!
Уничтожат варяги наш род!
Уж гребец правит к берегу ближе,
И борта́ воды мрачные лижут.

Неожиданный выбор сюжета...
Дух истории древней впитал,
Безымянных героев приметы
День и ночь юный Рерих писал,
А «Гонца», что всем сердцем лелеял,
Третьяков приобрёл в галерею.

2022

«Заморские гости»

По одноимённой картине Николая Рериха (1901)

Былинная летопись, в красках ожившая,
Сверкает на солнце и радует взор.
Художника кисть, старину возродившая,
Явила воистину дивный простор.

Ладьи расписные идут вереницею...
Дракон разукрашенный смотрит вперёд,
А по сторонам – с напряжёнными лицами –
Купцы ли, служивые? Бравый народ.

Похоже, что с миром – в страну чуждедальною
(Селение русичей спит в забытьи),
И чайки кружатся над гладью зеркальною.
На Новгород викинги правят ладьи.

Щитами борта разукрашены яркими,
Небесную синь отразил колорит.
И ветер попутный, как будто подарком им,
И воздух прозрачен, на солнце искрит.

2022

«Были заклѣтия, были знаменія...»

По эскизу Николая Рериха «Крик Змия» (1914)

Были заклѣтия, были знаменія...
Ждѣт апокалипсис, близится час –
В прах превратит города и селенія.
Вещіе сны приходили не раз.

Змій огнедышащій, чудище злобное
Ненависть холил в глубинах земли.
Выспался, голову поднял. Утробные
Вопли средь скал по округе текли.

Бешено рвѣлось из пасти злословіе
(долго копилось оно взаперти).
Можно ли что-то придумать бредовее,
Род человеческій чтоб извести?!

Вмиг превращается в птиц-поджигателей,
Что разлетаются по-над землѣй,
Испепелят всё живое сознательно.
Мир – у порога войны Мировой

Первой. Картина «Пророческой серии».
Замысел Змия коварен, жесток.
Небо тревожное писано Рерихом
(Бойню кровавую видел пророк).

Были заклѣтия, были знаменія...
Храмы порушены. Ад. Круговерть.
Зло наказуемо. В том нет сомненія.
Знал – супостата ждѣт верная смерть.

2022

После битвы

По картине Николая Рериха «Александр Невский» (1942)

Тревожное небо в багровых разводах –
Свидетель неслыханной жатвы кровавой
Скорбит по погибшим во имя свободы,
Добывших победу посмертною славой.

Защитник Руси – полководец от Бога –
Спускается вниз по скользящим камням,
Верхом на коне, выбирая дорогу,
Чтоб не потревожить убитых в сраженьи.

Слегка наклонившись, внимательно на́земь
Он взор устремляет. Никак, воевода
Повержен? А свита – по следу, за князем:
Успеть бы своих отыскать до захода.

Ссутулились спины от тяжести боя.
Врага одолели, но давят потери.
Был всякий из русичей грозен и стоек
На озере Чудском, в день пятый апреля*.

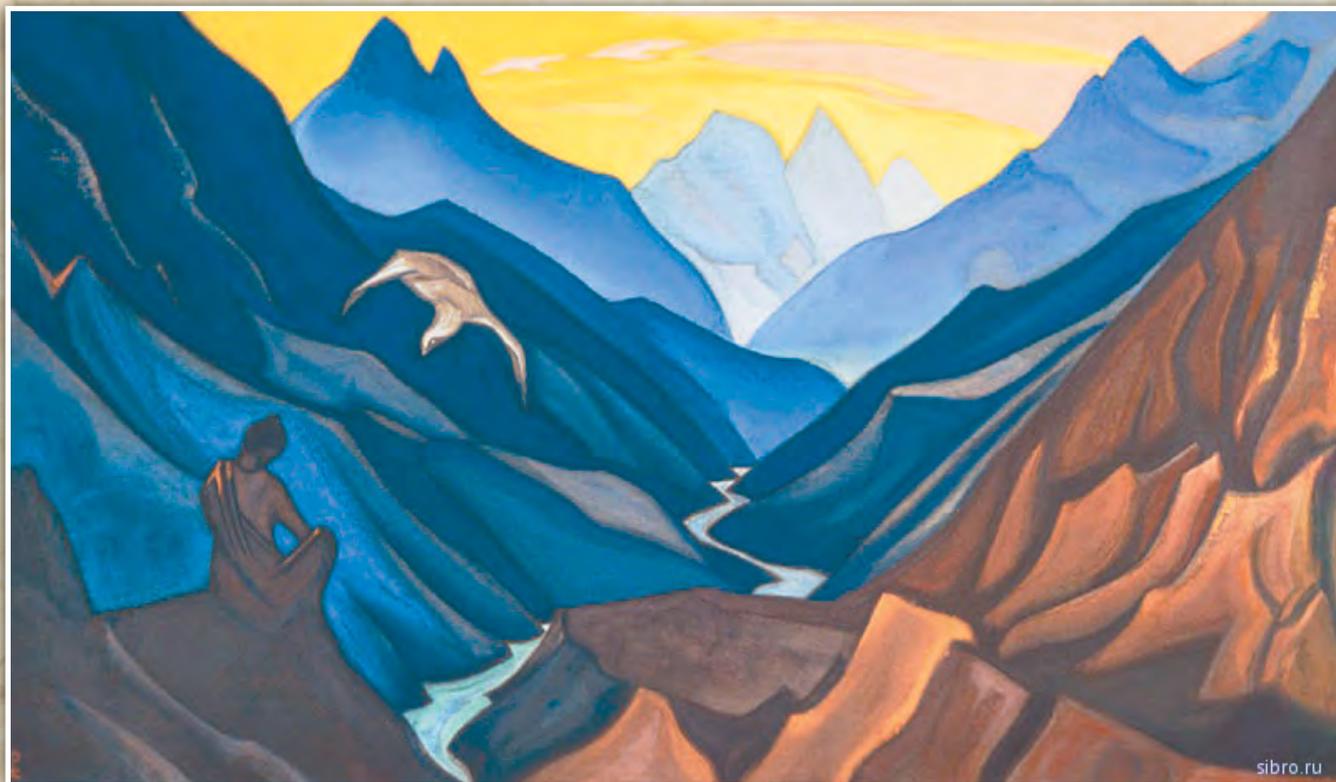
Мечи и шелома, тела бездыханны,
Кресты и гербы, и медвежий морды,
И тысячи тысяч ливонцев поганных.
И пали на берег немые аккорды...

2022

* 5 апреля 1242 г. – «Ледовое побоище», закончившееся победой Александра Невского над Ливонским орденом

«Приказ учителя»

По одноимённой картине Николая Рериха (1947)

Гималаи – особый живой организм,
Прикипел живописец к ним всею душой:
Связь культуры России с Востоком хранит,
Дух сказаний, легенд, неба зонт золотой...
Покорили навек дебри Азии,
Сотни троп исходил и облазил он.

Наверху... на уступе... задумчивый вид...
Он? Духовный наставник, учитель, гуру?
Белый горный орёл рядом в небе кружит,
Ловит мысли его поутру, на ветру.
Высота, величавость, гармония –
Красоты абсолютной симфония!

Между каменных глыб торит русло ручей,
Точит камень вода, быстрой лентой течёт.
Белокрылый орёл – символ добрых вестей,
Принесёт поручение с горних высот,
Что останется песней хрустальной,
Незаконченной и прощальной...

2022

«Княгиня на теремной башне»

По одноимённой иллюстрации И. Билибина

На далёком на острове, в расписном терему,
Пригорюнилась девица – расскажу, почему.
Под шатровою крышею – одиночества лёд.
Молодая княгинюшка плачет, мужа зовёт.

Покрестился на терем он, на головки церквей,
На жену на супружницу, что всех краше, милей.
– Налюбиться повенчанным, – причитала она, –
Помешала негодница, разлучила война.

Князь цветочек ей аленький в белы ручки вложил:
– От беды ограждает пусть, коль навеки ей мил.
Терпеливая, кроткая – ангелочку под стать...
А вода в море тёмная, птиц – и тех не видать.

Смотрит в даль неохватную, провожая ладьи,
Доля-долюшка горькая... Что ни шаг – полыньи.
Возвернётся ли любушка из чужих, дальних мест?
Победит ли он ворога? С грустью смотрит окрест.

А цветочек ей аленький говорит: «Не грусти.
И тоску ненавистную из души отпусти.
Глянь, полнеба нахмурилось, а вверху – ясный свет,
Ты потри стебелёчек мой, дам я нужный совет.

Подыми ясны глазоньки и скажи: «Раз-два-три!
Мой подарочек памятный, алым цветом гори!»
Ты не ведаешь, милая, что там ждёт впереди,
Но любовь ваша чистая всех врагов победит.

Веришь? Беды рассеются. Муж вернётся домой,
Скажет: «Жёнушка славная, я пришёл! Я – живой!»
Пала рать несусветная в чистом поле во ржи,
Над телами погаными чёрный ворон кружит...

Семейная идиллия

По картине БОРИСА КУСТОДИЕВА «НА ТЕРРАСЕ»

Спокойный летний вечерок
В именье «Терем», близ Кинёшмы,
Где правят бал, любовь и нежность –
Уютный милый уголок.

С двух лет остался без отца.
Судьба с мальцом не ворковала:
Хлебнули с мамой бед немало,
Снимая флигель у купца.

Теперь сидит в кругу семьи –
Кормилец, муж, отец, художник.
Добротный дом из брёвен сложен.
Здесь лишних нет. Здесь все свои.

Тепло родного очага
Он ценит, чтит всех благ превыше:
Жену и сына, дочь-малышку.
Семья, как воздух, дорога!

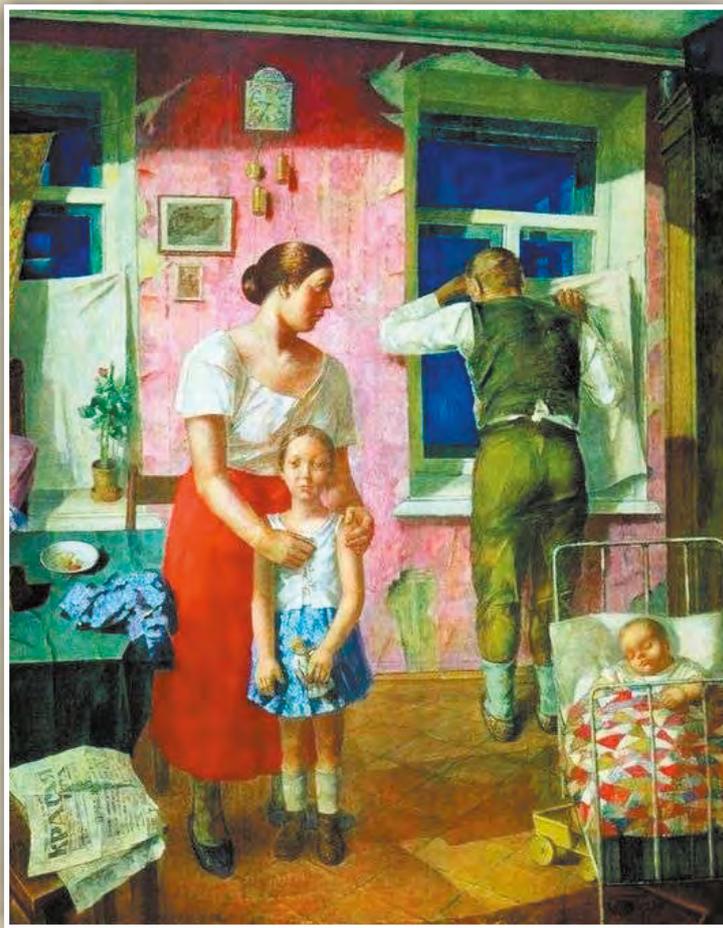
Ведёт неспешный разговор
С сестрицею за кружкой чая.
Дочурка, яблочко катая,
Лепечет няне милый вздор.

Глубинки русской колорит...
Сидят за ужином родные –
Красивые и молодые.
Стол белой скатертью накрыт.

А на столе пыхтит пирог,
И самовар натёрт до блеска.
Голубкой бьётся занавеска
Под шаловливый ветерок.

«1919 год. Тревога»

По одноимённой картине К. Петрова-Водкина 1934 г. (1878–1939)

Застыл мужчина в напряженьи,
Прижался к мутному стеклу,
В ночную взглядываясь мглу...
Не покидает ощущение,
Что хрупкий мир исчезнуть может,
Отныне – раз и навсегда,
Что за окном их ждёт беда,
И от того – мороз по коже.

Быть может, всадники промчались?
А может, выстрел напугал?
Вдруг нужно прятаться в подвал?..
Царит тревожное молчанье.
Концы с концами еле сводит
Означенная здесь семья.
По обстановке вижу я,
Что бедность в ней приют находит.

Обои ветхие... местами
Совсем порвались. Нищета...
Год девятнадцатый листает
Их скарб нехитрый. Всё тщета.
Стоит испуганно девчущка,
Похоже, не придётся спать.
Бельишко надевает мать,
А та вцепилась за игрушку.

Каким закончится финалом
Обманчивая тишина?
Идёт Гражданская война.
Мальца прихватят с одеялом
И вниз, в убежище, успеть бы...
А на стене часы: «Тик-так»,
И жизнь, что ломаный пятак,
Идёт по судьбам жёсткой плетью.

2023

«Эх, тачанка-ростовчанка!»

По картине МИТРОФАНА ГРЕКОВА «ТАЧАНКА» (1882–1934)

По стерне, добела раскалённой,
Вылетает упряжка коней,
Сеет ужас врагам обречённым.
– Пулемётчик, огня не желей!

Вихревые атаки и штурмы,
В них экспрессия, ярость борьбы.
То не боги, не ветры Сатурна,
Им неведомо чудо волшбы.

Озорные, чумазые парни
Налетают, как смерч, на врага.
На тачанке лихой, легендарной:
– Прочь с пути, коли жизнь дорога!

Им не страшен ни чёрт и ни дьявол:
Казачи защитят старину,
Край донской и родную державу,
И семью, и Ростов-на-Дону...

2020

Отвоевались...

По картине Митрофана Грекова «Отбитый у деникинцев английский танк»
(1882–1934)

Струится равнодушный лунный свет,
Ведёт немой рассказ о жаркой битве...
Живых здесь не осталось. Нет как нет.
Ни пушкой не поднять их, ни молитвой.

Застыл безмолвно, одиноко, как укор,
Всем, кто позарится на нашу землю –
Чудовище, чужой пришелец... Скорбь
Разлита по холсту. Смотрю и внемлю:

Суровая нависла тишина,
Опутал степь холодный саван смерти.
Прошлась метлой Гражданская война,
Лежат погибшие в злой круговерти...

С мечом пришли, и налицо – плоды
Трагедии немислимо жестокой.
Наутро снег укроет все следы...
А хрупкий мир – жаль – не извлёк урока.

2020

Торжественная нота бытия

По картине Аркадия Пластова «Сенокос» (1893–1972)

Обычный день из жизни Прислонихи*.
Год сорок пятый. Позади – война,
Немыслимыми жертвами полна...
Плечом к плечу косою машут лихо
Сельчане. Поднатужилась страна,

Святым трудом залечивая раны...
Июньский цветоносный травостой –
Лазоревый, небесно-голубой,
Пунцовый и оранжево-шафранный –
Встаёт пред ними радужной стеной.

Усталые, но солнечные лица...
Берёзок статных шёпот озорной,
И мотыльков, и пчёл кружащий рой,
И расточает запах медуница...
И небо покоряет высотой!

Стальной косы ритмичное звучанье,
Гудение мохнатого шмеля,
Гимн миру, радости поёт земля.
И входит в души ликование
Торжественною нотой бытия!

Как прост сюжет, но чувствую подспудно
Величие звучащей тишины,
Как вызов поджигателям войны,
И вижу в том не день из сельских будней,
А летопись, которой нет цены.

2020

* Село в Симбирской губернии, где родился и жил художник.

Пророческий намёк

По картине Александра Дейнеки «Сбитый ас» (1899–1969)

Не отпускает полотно Дейнеки
С тех пор, как я увидела его.
Как просчитались недочеловеки,
Решившие войной достичь всего!

Фашистский лётчик справился с заданьем:
Донельзя искорёжена земля,
Дымят руины обгоревших зданий...
Сочтут героем, видимо, друзья.

Иллюзией он тешился недолго:
Минута-две – и самолёт собьют.
Навстречу – на́долбы щетиной колкой!
И, как на грех, подводит парашют.

Закрыв глаза, летит в объятья смерти,
Сложивши руки в гибельной тоске.
Глубоким ужасом тот миг очерчен...
А мать Всевышнему молилась вдалеке.

Картины колорит предельно сдержан.
Отсутствуют кровавые тона,
Но ясно – за сожжённых и умерших
Подбитый ас расплатится сполна.

Представить страшно, что сейчас с ним будет.
По сути, ожидаемый итог:
– Одумайтесь, пока не поздно, люди! –
Агрессорам пророческий намёк.

2020

Повержен – не значит побеждён

По картине Кукрыниксов «Бегство фашистов из Новгорода»:
Михаил Куприянов (1903—1991), Порфирий Крылов (1902—1990)
и Николай Соколов (1903—2000)

Кто не знаком с Кукрыниксов полотнами,
Их искромётной военной сатирой?
«Окнами ТАСС», саркастически-плотными,
Били не хуже врага, чем мортирами.
Детский рисунок на печке обугленной,
Рёбра торчащей из снега кроваточки
Дали толчок к описанию поруганной
Святости русской фашистским захватчиком.
Новгород. Стужа. Багровые сполохи...
Раннего зодчества память великая
Осквернена и загублена ворогом.
Адское зарево. Грозное дикостью.
Тысячелетней России история
Славна кумирами и полководцами.
Сбросили в снег. Распилили ускоренно
Бронзовых классиков. Зло отзовется им.
Страшные в гневе черты Петра Первого,
В копоти лица Толстого и Пушкина.

Древний Софийский собор изуверами
Предан огню, но недолго отпущено
Сеять бесчинства. Твердыню на Волхове,
Память о Чудском сражении Невского
Им не стереть, как не вытравить волками
Ярь вандализма кошунственно-дерзкого.
Фрески разбили, собор раскурочили,
Тысячи книг, манускриптов пылающих.
Ветер листает былые пророчества:
«Кто к нам с мечом» – видно, присказка та ещё!
Хаос, руины... нещадно повержено,
Всё, что для Родины памятно, дорого.
«Но непременно Победу одержим мы!» –
Бронзовой дланью грозит не Суворов ли?
Мечется в панике нечисть фашистская,
В бегство ударились – даже не верится.
Близко возмездие, Мать Пречистая!
Дым злодеяний вслед – чёрной метелицей.

2020

«Лермонтов на Кавказе»

По одноимённой картине Петра Кончаловского (1876–1956)

Прилёг, задумался слегка служивый,
Ни «Демона» ли в мыслях шлифовал?
По счёту – третья ссылка. Будет жив он?
Быть может, вновь нарвётся на скандал...

Похоже, прикатил в аул на бричке.
В упряжке пара лошадей стоит,
А он листает дней былых странички,
Давно по сердцу южный колорит.

Алмазною сияет белизной
Казбек. Пред ним – зелёная долина
В рассветной дымке, нежно-зоровой,
Любуется красавцем-исполином.

В распахнутую дверь ворвался свет
И заиграл на рукояти сабли,
По золоту прошёлся эполет,
По газырям скользнул. Лучи ослабли,

Запутавшись в косматой чёрной бурке
Поручика, что прибыл на Кавказ.
Здесь пули свищут, знать, не до мазурки,
Здесь жизнью рисковал своей не раз,

Не раз бывал он в жесточайшей схватке,
Военному обучен ремеслу.
Лежит папаха, рядом с ней – перчатки,
Видавший виды саквояж в углу.

Переживут хозяина, пожалуй, –
Недолго до дуэли роковой.
И вновь не досчитается держава
Поэта с непреклонной головой.

2020

Памятник затопленным кораблям

По проекту скульптора академика А. И. Адамсона,
архитектора В. А. Фельдмана и военного инженера Ф. О. Энберга (1905).

Плыву я на яхте вдоль берега моря,
Закатного пламени греет костёр.
Двуглавый орёл, столько видевший горя,
Над бронзовой стелой крыла распростёр.

Он замер навеки, держа цепь и якорь,
И в клювах зажавши из лавра венки.
Форпост охраняет от нечисти всякой,
Чтоб недруг по морю добраться не смог.

А в годы Второй мировой повторилась
Жестокая бойня за город-герой.
Немецкие танкеры в море дымилась.
Орёл уцелел!!!
Охраняет покой.

О жертвах трагедии разве забудем?
Как в Крымскую страшную бойню-войну,
Расстрелянный флот (из своих же орудий!),
Вход в бухту закрыв, устремлялся ко дну.

И всё ж, Севастополь в руинах оставлен.
Вздыхался бетонного крошева смерч,
И море кипело, и берег расплавлен!
Тел, в клочья разорванных, было не счесть...

Эпоха, полная надежд

По картине Юрия Пименова «Свадьба на завтрашней улице» (1903–1977)

Неяркий день, как будто гобелен.
Дыханье будней слышу я горячих,
Захватывает новостроек плен,
Ведь молодость не может жить иначе.

Бульдозером разрытая земля,
Пласты сырые глины тёмно-рыжей.
Настил дощатый, справа – колея,
И гордо кран вознёс стрелу над крышей.

И смыта пыль с бетонных труб дождём,
Дымит асфальтовый каток чуть дальше...
Здесь жизнь кипит и в завтра бьёт ключом,
И зачастили Мендельсона марши.

Ступает твёрдо по мосткам жених,
Ведёт невесту в белоснежном платье,
Почти воздушном. Мир готов объять он,
И плещет счастье через край для них.

Сегодня свадьба, родилась семья!
Спешат домой из ЗАГСа новосёлы.
Толпой за ними следуют друзья.
Их ждёт застолье, праздник развесёлый!

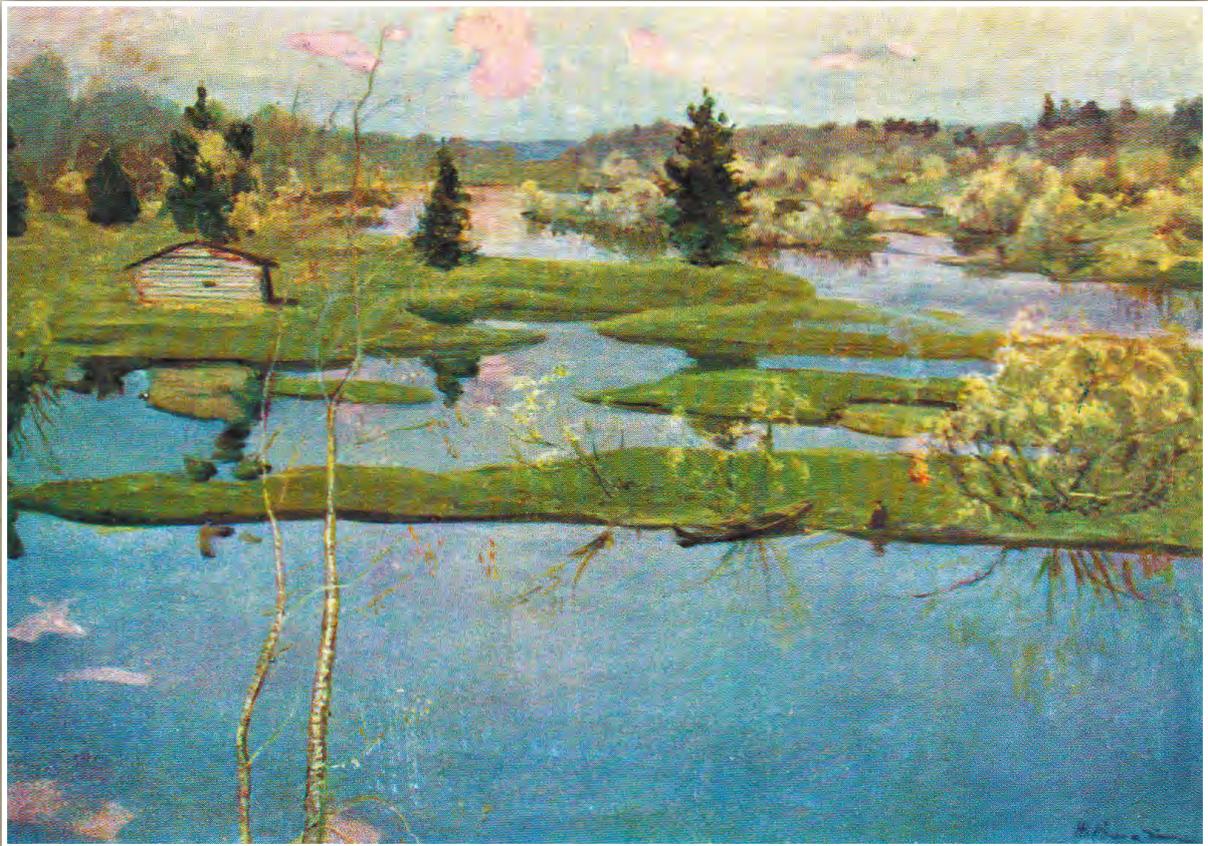
Быть может, лифт не включен – ерунда!
Пусть не подъехать на автомобиле...
Знать, молодость возводит города –
Как просто, здорово все жили-были.

Эпоха созидания, надежд,
Открытий новых, планов грандиозных!
Когда душою юн и в мыслях свеж,
То даже горы с места сдвинуть можно.

2020

«Река Царевна»

По одноимённой картине Николая Ромадина (1903–1987)

Русь Есенина, Тютчева, Блока,
Всей душою и сердцем любя,
Воспевал на полотнах, как мог он,
Прикасясь к исконным корням.

...Половодье. Зелёная пойма.
Разлилась не на шутку река.
Здесь преданья народные помнят.
В тихих водах кружат облака

Розоватые, словно из сказки.
Заневестились вербы весной.
Вологодчина. Март, ох, неласков,
Но неброской влечёт красотой.

Скоро знатной ущицы наварит,
Чтоб с лаврушкой, укропом, дымком.
Костерок-то развёл, знать, не барин,
Чай заварит крутым кипятком...

Здесь когда-то бывал Пётр Первый
(Ладил к Белому морю он путь)
И назвал эту реку Царевной
В честь рождения дочери, в том суть.

Говорят, до него – Иван Грозный
Выход к морю с дружиной искал.
Так, не так ли, однако, возможно,
Эти земли царёвы назвал.

...Зябко жмутся друг к дружке осинки,
У воды – одинокий рыбак
(Сосны в бисере мелких росинок).
Лодка – рядом. Нужна, как-никак.

2020

ГЛАВА 2

**Стихи по работам
современников**

Уголок моей России

Картина Анатолия Ковалёва «Волгодонские просторы»
Сл. Татьяны Мажориной, муз. Григория Дрыжакова

Посреди степи ковыльной,
Там, где солнце беспощадно,
Где ветра с горячей пылью
Жгут осот, полынь, песчаник,
Волгу с Доном обвенчали,
Чтоб служили человеку,
Чтобы степи орошали
И весной, и знойным летом.

И теперь простор бескрайний
Пёстрой шалью полыхает,
А ромашки – с грустью тайной –
По лазорикам вздыхают.
А у берега, у Дона,
Шепчутся тихонько ивы:
Разгадали, что влюблён он
В Волгу-матушку, в Россию.

Город здесь родился славный.
Краше нет – степная сказка!
В нашей жизни стал он главным,
Зорькой вешнею обласкан.
Волгодонском он зовётся –
Наша Родина святая.
Город-порт, о нём поётся,
Я цвести ему желаю.

Седьмая симфония Шостаковича

По картине Анатолия Ковалёва «Героическая симфония»

В растерзанном августе сорок второго*
Свирепствовал голод и город в кольце.
В истории войн не случилось такого:
Бойцов привозили прослушать концерт!

А воздух напитан разрывом снарядов,
Исчерчено небо зенитной стрельбой.
Солдат на мгновение забыл про блокаду:
К афише припал с просветлённой душой.

Он всё ещё там, в филармонии, в зале,
Симфонии слышал победный аккорд,
Где звуки оркестра, как гром, нарастают.
Воскрес Ленинград, непреклонен и горд!

Обрушилась звуков лавина. Поток
Лилась из приёмников по проводам:
Исчадием ада – во вражьи окопы –
И ангелом светлым – по нашим домам.

Шокирован мир, напрочь враг ошарашен:
Большой симфонический – на высоте!
Чуть теплится жизнь, но напорист и страшен
Дух русского чуда во всей красоте.

Под гул канонады, горящие люстры,
Звучала великая из партитур.
Привстала на цыпочки площадь Искусства –
Быть может, Рейхстага предвидела штурм?..

* 9 августа 1942 г. – день, ранее обозначенный немецким командованием датой вступления в Ленинград.

Даруйте веру

По картине Анатолия Ковалёва «Рождественское утро»

Который день в душе метёт позёмка,
Метёт позёмка – стужу не унять.
Как по-живому, рвётся там, где тонко.
Где тонко – там сочится боль опять.

Сочится боль. Опять грущу – не спится.
Грущу – не спится. Вторник ли, среда?
А время мчится, как на колеснице.
На колеснице – мимо, как тогда...

И как тогда... душа дрожит от ветра.
Дрожит от ветра. Тронешь – зазвенит.
Горят-горят меж нами километры.
Меж нами километры, как магнит.

Магнит сердец, что вновь сведёт нас вместе.
Сведёт нас вместе, что ни говори.
Под звон колоколов затанем песню.
Затанем песню. Громче, звонари!

Погромче, звонари! Даруйте веру!
Даруйте веру и надежды нить:
Творить, дышать, гореть, любить без меры.
Любить без меры – значит, с верой жить!

Всё будет хорошо

По открытке Лоры Рыбченковой «Новый год 1954»

Щёчки румяные, милое личико:
В нём удивление, радость, восторг.
Держит малышка в бумаге коричневой
Свёрток, коробку, кулёчек цветной,
Зайку пушистого с бантиком аленьким,
Смотрит с надеждою смело вперёд.
Кроха сама, но лопочет: «Мой маленький,
Скоро мы встретим с тобой Новый год».
В небе снежинки кружат невесомые,
Ёлочки вышли водить хоровод.

А за спиною – страна преогромная,
Самый выносливый в мире народ –
Тот, что осилил врага ненавистного.
Девять годков, как мин ла война.
Раны залечены. Темпами быстрыми
Вновь возрождается наша страна.
Образ ребёнка как символ грядущего,
Вера в надёжность и в завтрашний день,
В мир, в созидание, в ныне живущего
В городе... в сотнях станиц... деревень...

По велению сердца

Фото Давида Рубашевского, сл. Татьяны Мажориной, муз. Натальи Чарупа,
исп. дуэт Михаила и Натальи Чарупа

Неприметный, ветрами взъерошенный
Полустанок в степи... колея...
Снежно-серое, стылое крошево...
Занесло ж меня в эти края...

По велению сердца приехала –
Город-спутник позвал, «Атоммаш»!
Только где он? Стою – не до смеха мне:
Март. Распутица. Хмурый пейзаж...

Душ по десять и более в комнатах,
И кроватей двухъярусных ряд...
Стол горбатый и лавки... всё скромно
так.
«Знай романтику!» – здесь говорят.

Но, признаться, судьбе благодарна я –
Небывалый предстал мне размах!
Всесоюзная стройка ударная
Поднималась, как хлеб на дрожжах.

Бушевала, звенела, жгла молодость,
И царил созиданья кураж!
В глухомани и в зной, и по холоду –
За три дня возводили этаж...

Юный город взметнулся жар-птицею
И захлёб пьёт рассвет зоревой!
Одуванчики яркими лицами
Тянут к солнышку шлейф золотой...

Много зим, много лет жито-прожито.
Стала родиной эта земля.
Промелькнула косынкой в горошину
Комсомольская юность моя...

Время выбрало нас

ФОТО ДАВИДА РУБАШЕВСКОГО

Время выбрало нас, молодых, одержимых –
В полудикой степи, где гуляли ветра –
Строить город, что станет навеки любимым,
Колыбелью надежды, причалом добра...

Разорвал тишину,
птицей взмыл в поднебесье –
Гордость века минувшего, слава, краса!
И внезапно застыл недопетой песней,
Недосказанной болью.... Скорбят корпуса

По заводу-гиганту, по стройке великой,
По рукам, что умели творить чудеса...
Всё же выстоял, выжил в степи полудикой –
Вопреки всем невзгодам звучат голоса,

И шагает с Россией, не пал на колени –
Символ мирного атома, яркой мечты,
Город юных талантов и смелых решений,
Волгодонск, ты достигнешь ещё высоты!

Диптих. К 200-летию Лермонтова

АРХИТЕКТОР АНАТОЛИЙ ЖМАКИН,
СКУЛЬПТОР ВАСИЛИЙ ПОЛЯКОВ «БЮСТ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА»

1

Задумчивый отрок. Ранимый. Печальный.
Москвой восторгался. Влюблён был в Кавказ.
Тоскою томим. Одинок изначально.
Балы. Увлеченья. Отвергнут не раз.

В нём горечь и злость закипали мгновенно,
Холодная страсть к разрушенью вела,
Ложась на бумагу строкой дерзновенной,
Строка раскалялась, как горн, добела!

И сыпались звёзды в свободном паденьи,
Чеканился слог и звенел, как металл,
А юноша мрачный в лучах вдохновенья –
В тот миг чародей! Над Вселенной летал!

Как вспышка, кометою жизнь пролетела,
Мятежную душу невздам открыв,
Как сгусток энергии, сжав до предела
И мысли, и время, Талант обнажив.

2

Корнет лейб-гвардии Гусарского полка,
У Пушкина он принял эстафету,
Создав шедевр – стихи на «Смерть Поэта»,
Кумира недругов задел наверняка.

Не ведавший народных сказок с детских лет,
Читавший Байрона и Шиллера запоем,
Опекой бабушки чрезмерно удостоен.
Бунтарский дух упрямо рвался в свет.

Пророк. Посредник между небом и землёй,
Презревший ложь, коварство и измену,
Снискавший славу и опалу, несомненно.
Не понят. Не раскрыт ничтожною толпой.

Отважен и умён. Чтил офицера честь.
Отчаян. Дерзок. Горд. Порою нем он,
Жесток и равнодушен, словно Демон.
Космический поэт, и магия в нём есть!

Пётр и Феврония

Скульптор Егор Дердященко, худ. по металлу Виктор Васильев
Слова Татьяны Мажориной, муз., исполн. Михаила Воловликова

А любовь их настгла непрошеной,
Незакатною и несказанною,
Словно чистой слезинки горошина,
Растопила сердца, окаянная.

Прикоснулась горячим дыханием.
Стали сумерки вмиг краше солнышка.
Полыхнуло любви осознание!
Пили горькую радость до донышка.

Пили всё до последней до капельки:
И несчастье, и счастье бесценное –
Даже в простеньком *ситцевом платье* –
Необъятное, будто Вселенная!

Не разрушила зависть боярская
Уз семейных Петра и Февронии.
Их любовь ослепительно-яркая
Согревала сердца посторонние...

А судьба то щедра, то изменчива,
Но и в смерти они не расстанутся:
Небом чистым навеки повенчаны,
В нашей памяти живы останутся.

Их фигуры, в металле отлитые –
Символ веры, любви и верности,
И голубка доверчиво спит у них
На руках, в колыбели из нежности...

Диптих. От урядника до графа

Посвящается 270-летию Матвея Платова
Скульптор Егор Дердященко, худ. по металлу Виктор Васильев

1

Был урядником в части, исправным вполне,
В девятнадцать – царю присягнул он,
Проявил героизм на турецкой войне –
С тем пожалован чин есаула.
Перекоп... и Очаков... Уже старшина.
Добывал языков... и трофеи...
Жизнь опасна, трудна и лишений полна –
По-другому казак не умеет.
В донесеньях начальству Суворов писал,
Что повсюду в атаках был Платов:
Чем острее, опасней сраженья накал,
Тем уверенней шёл на захват он.

А твердыню дунайскую брали впотьмах –
Сорок лестниц взметнулись кошмаром.
Разжигали муллы в белоснежных чалмах
Мусульман фанатичную ярость.
Стынь, мороз в декабре, *закипел* Измаил,
Что вулкан, извергающий пламя.
Стойкость, мужество Платов в бою проявил:
С нами – Бог! И победа – за нами!
А потом – Закавказье... Дербент и Баку...
Вверен Первый Чугуевский корпус.
Как всегда – на коне, как всегда – начеку!
Побеждать помогало упорство.

Гравюра С.Шифляра «Штурм Измаила»
по акварельному рисунку М.Иванова

2

Тут взошёл на престол Павел Первый, и вмиг
От донца отвернулась фортуна,
Потому как донос написал клеветник,
И обрушились беды тайфуном.
Поначалу Матвей заточён в Кострому,
А потом – в Петропавловске, в крепость.
Позже суд оправдал, честь вернули ему.
Оказался донос сей – нелепость.
А когда Александр императором стал –
Генерал-лейтенантом Матвея
Он приказом назначил, к тому ж твёрдо знал:
В новой должности тот преуспеет.

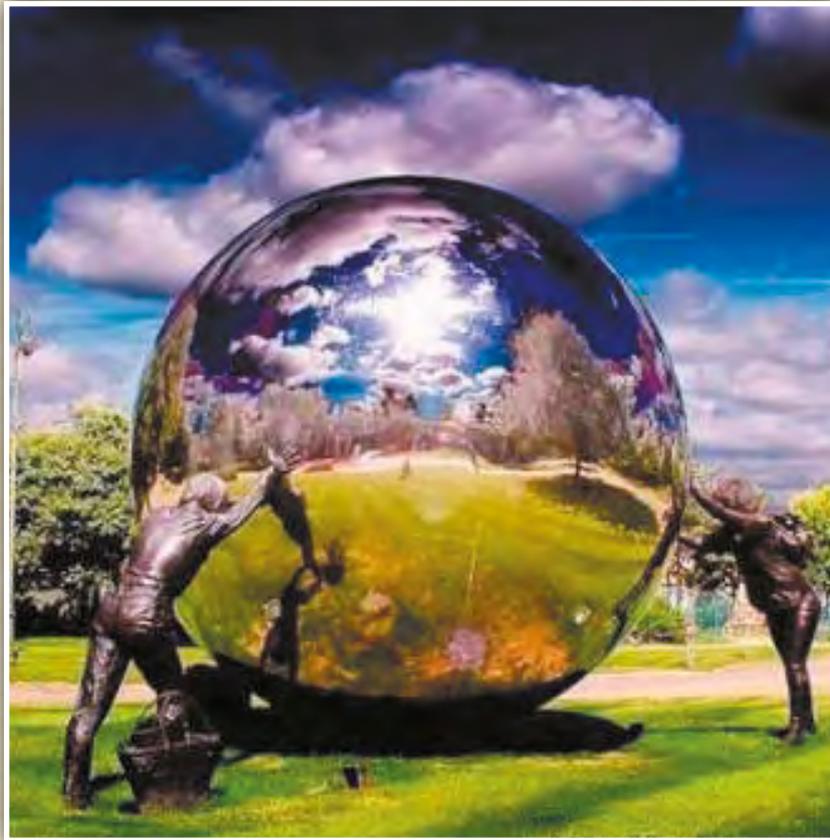
Так и вышло: Отечеству верой служил,
Бил французов и пеших, и конных...
Живота не жалел, выбиваясь из сил,
До скончания лет до преклонных.
Бонапарт возжелал дать награду донцу*,
Восхищаясь военным искусством.
«Не служил я французам, оно не к лицу,
Орден ваш мне за что? Я же русский!»
В Бородинском сраженьи казачьи полки
Мощной лавой обрушились с флангов.
Титул графа пожалован с царской руки –
Генерал оценён по таланту!

2023

* Мирный договор, заключённый в период с 13 (25) июня по 25 июня (7 июля) 1807 года в Тильзите (ныне город Советск в Калининградской области) между Александром I и Наполеоном. Там произошло знакомство Матвея Платова с Наполеоном.

Цикл стихов «Спасите души!»

ФОТО ИЗ ИНТЕРНЕТА

1

«Колосс на глиняных ногах» –
Планета наша.
Качаем нефть. Каков размах!
Земель не пашем.
Стал мир, что хрупкое стекло –
Давно на грани.
А души гарью занесло,
Как поле брани.
Поднялся смог до облаков –
Живое душит.
Спасите, люди, Землю, кров!
Спасите души!
Ведь в наших силах сохранить,
Пока не поздно,
Любви связующую нить
И небо – звёздным.

2

Вижу город серый, блёклый,
А над ним, что меч дамоклов,
Нависают тучи хмуро:
Под стеклом, а как с природы.
Жуть... Мне чудится Чернобыль,
Взрывом адовым угроблен.
Гнев Небес? А вдруг расплата?
Город пуст. Ничто не свято.
Тишь. Безжизненно и мрачно.
Веет холодом собачьим.
Деревца покрыты пеплом.
Неужели я ослепла?
Неужели жизнь застыла?!
Время тянется постыло...
Лишь окон пустых глазницы.
Стёрты жизни, стёрты лица.
...Это слыше глас народу:
– Хочешь жить – храни Природу!

3

Шар стеклянный, а в нём, будто в зеркале,
Отражаются беды Земли.
Что ж мы жизнь-то свою исковеркали?
Допустить до уродства смогли?!

Переполненный грязными стоками,
Горы мусора, свалки кругом.
Докричусь до сердец ли я строками:
Этот шар – наш единственный дом!

Удержать бы теперь равновесие,
Ведь в пороках погряз человек.
Словно флаги, купюры развесил он,
А про совесть – забыл, пренебрёг.

Вот и молится рьяно на доллары,
Евро, шиллинги, франки, рубли.
А душа – беззащитная, голая –
На разверзнутых ранах Земли!

4

Поодаль пичуги кричат запыленно,
И мак полыхает рассветным огнём.
Беды иль восторга? Чего больше в нём?
Весна примеряет нарядный кокошник.

Клубятся сады бело-розовой вьюгой,
Шагает уверенно юный апрель,
Выводит мелодию нежно свирель.
Черёмухи ветвь бьёт в окошко упруго.

Идиллия рядом, но может исчезнуть...
Всё в наших руках. Призадумайтесь, люди!
Потоп? Катастрофа? А с миром что будет?
Простит ли Природа
халатность, небрежность?

Взять ластик, стереть бы конфликты и войны,
Чтоб чёрного золота реки текли
На мирные цели великой Земли,
Которая лишь созиданья достойна.

5

Розово-серым гранитом
Тянутся ввысь обелиски.
Помним: «Ничто не забыто»,
Головы склонены низко...
Вновь на Земле беспокойно:
Распри, конфликты и войны.
В ярости бьются о скалы
Алчущих крови оскалы...
Искоренить бы нам злобу,
Зависть, гордыню – навеки.
Эх! Разместить и в тепло бы
Всех, кто душою калеки,
Кто клеветой промышляет,
В правду её облачая!
Пусть отогреются души,
Чтоб созидать, а не рушить,
Радуясь мирному небу,
Счастьем творений и хлебу!

Погибшим жителям Одессы посвящается...

Фото из ИНТЕРНЕТА

Век мой, донёльзя пропитанный ложью,
Сплошь в очагах и коросте пожаров.
Шаг... спотыкаюсь... бреду в бездорожье.
Порохом пахнет... и гарью, пожалуй.

Тёрна колючки впиваются в тело.
Кровь проступает, на землю сочится.
Вглубь продираюсь... В глазах потемнело:
Будто по следу, за мною – волчица.

Всюду царит мировое ненастье.
Только бы выбраться да не пропасть бы...
Мимо – объятые ужасом лица.
Господи! Это ж Одесса мне снится!

Нечем дышать: мне не сделать и шага.
Дом профсоюзов пылает, дымится.
Для одесситов он стал саркофагом,
Незаживающей чёрной страницей!

Мир раскачался, пропитанный ложью.
Катится вниз. Под уклон. В бездорожье...
Май полыхает в цветении. Жутко...
Порохом пахнет, сгорает минутка –
Мне бы проснуться...

По взорванной судьбе

Сл. Татьяны Мажориной, муз. Александра Лаврентьева,
Исп. Нина Рудольская. Скульптура «Скорбящая мать»

Октябрьское шоссе, дом тридцать пять*
Ушёл в небытие в конце столетья.
Он напроочь перестал существовать
По воле кучки нелюдей, отребья,

Решивших, что дозволено вершить
Им судьбы мира злобною рукою.
Но памяти связующая нить
Встаёт подранком над людской бедою.

Кладу гвоздики, год-другой спустя,
У памятника, что на месте взрыва.
Мне чудится: стекло, бетон хрустят
И сыплются трагедией в архивы.

А дыма, пыли – тьма, не продохнуть,
И стоны слышатся из-под завалов.
Погибших от теракта не вернуть,
Над горем встал рассвет кроваво-алый.

... Течёт живой поток... А как иначе?..
Пришли почтить невинно убиенных.
И дождь двадцатый год невольно плачет
По их судьбе, их взорванной вселенной.

* 16 сентября 1999 года был взорван жилой дом в Волгодонске, унёсший жизни 19 человек. 89 человек госпитализированы, сотни раненых.

Учитель

Сл. Татьяны Мажориной, муз. Александра Лаврентьева, исп. Людмила Елисеева
(с участием ребят эстрадно-джазовой студии Лаврентьева)

Учитель – с детских лет наш рулевой,
Ведёт корабль уверенно и прямо.
С невежеством ведёт он правый бой
И не приемлет лени и обмана.

Учить детей, примером быть всегда –
Нет на Земле призвания дороже.
Учитель – это свято лишь тогда,
Когда сердца с учениками схожи.

Когда в глазах их искорки горят,
И светятся восторженные лица,
Улыбки о любви их говорят –
Жаль, школа никогда не повторится...

Спасибо за заботу и тепло.
Поклон вам, дорогие наши люди!
И если нам по жизни повезло –
Корабль школьный памятью всем будет.

Осенний вальс

Сл. Татьяны Мажориной, муз. Ольги Калантаровой,
ИСП. ЕЛЕНА КАЗУСЕВА (ФРАГМЕНТ ИЗ ВИДЕОРОЛИКА АЛЕКСАНДРА ЛЯНГУЗОВА)

И вновь октября распротёрты объятия,
В роскошном убранстве стоят
Берёзки, надев златотканые платья –
Прощальных гастролей наряд.

К воде наклоняясь, чуть-чуть в реверансе,
В зеркальную смотрятся гладь,
В плену заколдованной музыки вальса
Изящны – царевнам под стать.

Мотив благозвучный послушен Природе,
Она здесь сама дирижёр,
Я слышу, как дивные звуки мелодий
Пронзают осенний простор.

Встречаются парами в легком круженьи,
Под звуки хрустальные струй.
Листочки трепещут в невольном смущеньи,
Тихонечко шепчут: «Танцуй».

Напев повторяют волшебные скрипки,
Слагая гармонию нот.
Судьба нам прощает былые ошибки
И лучик надежды даёт.

Вспоминаю...

По картине Елены Лезиной «Калина», сл. Татьяны Мажориной,
муз. Натальи Чарупа, исп. дуэт Михаила и Натальи Чарупа

Утром в дверь тихонько выскользну
На веранду. Осень поздняя...
Стол дощатый чисто выскоблен,
А на нём – калина гроздьями.
Пламенеет, ярко-алая,
Листья охрою прихвачены.
Вспоминаю – запоздалую –
За неё сполна заплачено...

Обронила зорька ясная
Перламутровые россыпи.
Было время – не напрасно я
По судьбе бродила с посохом
Да с сумою перемётною –
Собирала обветшалую
Совесьть... честь, почти бесплотную.
Верить в жизнь не перестала я,

И любовь свою несмелую,
Чуть живую, с червоточиной,
Отыскала, отогрела я –
Всю в пыли да на обочине...
Годы катятся лавиною
И приносят счастье, лихо – мне.
Приросла я пуповиною
К Дону вольному и тихому.

...Выпью чай с калиной, мятою.
Тишь... из сада тянет свежестью.
Я сильна теперь внучатами,
Бесконечно светлой нежностью.

Дух Студича*

По картине Всеволода Иванова «ПАДЕНИЕ НЕБЕСНОГО КАМНЯ»

Гладь озера блестит, бугрится,
Слегка прихвачена тончайшим льдом,
А в небе розовато-голубом
Зима... дух Студича резвится,
Студёно дышит над её холстом.

Природа девственна, сурова.
Вдоль берега охотники бредут.
Пучки сухих колючек там и тут...
Собаки зверя рвать готовы,
И человека норы также крут.

Пылают ягоды рябины,
Чуть подморожены, грустят в снегу.
Собрать бы надо... людям... к очагу.
Настой духмяный, витаминный
Излечит в непогоду хворь, цингу.

Вдруг диво-дивное кометой –
Невероятно яркий камень-шар
Метнул к воде межзвёздный кочегар.
Посланец неба – весь из света –
Влетел, теряя раскалённый жар,

Пред взором русичей под воду,
Мгновенно вздыбив преогромный вал.
Со дна он, словно радугой сверкал:
Чудес не видывали сроду.
Дух Студича то действие остужал...

* Студич у древних русичей означал месяц «январь».

Рождественский лес

По картине МАКСИМА ИЛЬИНА «ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ»

Белое величие зимы
Видится сквозь снежные думы.
Сосны, что роскошные царицы.

Выкатилось зимнее Светило –
Снежное убранство заискрило.
Чудится, что вышли танцовщицы

Из полотен, может быть, Дега,
Но... кругом безмолвные снега.
Может, мне картина эта снится?

Сосны-раскрасавицы стройны,
В зеркале ручья отражены
(Чуть дрожат иголки-ресницы),

Грациозны, смотрят свысока.
На опушке – домик лесника.
Из трубы печной дымок клубится.

Подойди, в окошко загляни-ка:
Шанежки пекут, пьют чай с брусникой,
Сытый кот балует с половицей ...

Вот оно – природы торжество –
Сон и явь сплелись на Рождество!
День благословенный, яснолицый.

Хорошему коту и в феврале март

По картине Ксении Мороз (живопись шерстью)

Февраль верховодит. Подворье в снегу.
Дощатый заборчик... Станица...
Кот Васька вальяжно лежит – ни гу-гу.
Пушистая шубка лоснится.

Прищурив глазок, наблюдает хитро́
За тихим круженьем снежинок,
Но ушки при этом он держит востро:
Шуршание слышит травинок

Насмешки над сильным?! Излишняя спесь.
Не видит за собственным носом:
Глупец! Если Ваське захочется есть,
То сцапает вмиг – без вопросов.

Сухих, пустотелых, что снег не прикрыл –
На мирную ноту настроен.
Про Мурку мечтатель навряд ли забыл:
Процесс – под контролем:) Спокоен.

И прыткий воробышек не ускользнёт,
Пусть машет крылами да скачет,
Чирикает: «Глянь, размечтался наш кот!
Романтиком стал:) Не иначе».

«Зимняя история любви»

По одноимённой картине Рут Сандерсон

В заснеженном царстве могучие ели
Накидки добротные сверху надели.
Восход золотил им подставившие спины,
Меняя притихшую в дрёме картину.

И солнечный лучик, скользя среди леса,
Застыл в удивленьи, заметив принцессу.
Глаза-изумруды искрились, горели:
Ей юноша дивно играл на свирели.

Мелодия нежно звенела и страстно,
И не было звука в то утро прекрасней.
Посланник небесный – свидетель их встречи,
Заслушался, свет им роняя на плечи.

Вдохнул в них тепло, обогрел и округу:
Сердца распахнулись навстречу друг другу.
Свирель, вам скажу, далеко не простая:
Ручей подо льдом, ей внимая, растаял

И вдаль устремился – волшебно журчащий –
Поведать о том, как рождается счастье.
А юная пара, что в март первоцветы:
Сердца запылали божественным светом!

Зимой открылась, отнюдь не случайно,
Любви, полонившей их, светлая тайна.
Кто в помыслах чист, щедр душою и ласков –
К тому непременно пожалует сказка.

На озере

По картине ЛАРИСЫ РАДЧЕНКО «ОЗЕРО»

Туман тягучий, вязкий
Накрыл сплошной маской
Свинцовый сумрак вод.
Не слышен гомон птичий...
Угрюмых скал величье
Куда-то вдаль зовёт.

Тихонечко и кротко
Скользит по глади лодка.
Быть может, ищет грот,
Где притаился Воланд?
Пронизывает холод,
И в сердце стынет лёд.

Но путники не внемлют –
Влекут чужие земли.
Пусть низок небосвод,
И утро пустоцветом
Осыплется при этом.
Известно наперёд,

Что заалееет небо,
Уйдут тревоги в небыль,
Лишь солнце полыхнёт.
И защечечут птицы,
И мир преобразится,
Всё мигом оживёт.

Пробуждение

По картине ЛАРИСЫ РАДЧЕНКО «ЛЕБЕДЬ»

Робко солнечные лучики
Пробежались по-над озером,
Приласкали птицу вольную,
Задержались, потрясённые
Красотой и величавостью.

Гордый лебедь в одиночестве
Распрямил крыла могучие
И стряхнул тумана капельки,
Будто россыпи жемчужные,
В лоно вод прохладных, трепетных.

Любовался каждым пёрышком,
Высь лазурную разглядывал,
Утро раннее приветствуя,
Белоснежную лебёдушку
Поджидал на танец верности.

Песнь любви

По картине Татьяны Илюшкиной «Музыка эльфов»

Ты мой сон, ты моё наваждение,
Грусть моя, неотступная боль,
Ты души сладкозвучное пение,
Грёз ночных неизменный король.

Сумасшедшая я и смиренная,
И шикарней эльфийских подруг.
Я и пристань твоя, и Вселенная,
Томной лиры чарующий звук.

Помнишь, милый, поляны брусничные?
Как ласкали наш взгляд мотыльки?
Расплетал ты мне косу пшеничную,
Полыхали в глазах угольки...

Ночь весенняя дышит фиалками,
В ней рулады ведут соловьи.
Встреч минувших нисколько не жалко мне.
Песнь пою вечно юной любви.

«Весёлый танец»

По одноимённой картине Татьяны Илюшкиной

– Жил-был в Индии далёкой
Розовый слонёнок, –
Говорила мне сорока, –
Танцевал с пелёнок.
Из приветливых ромашек
Надевал веночек.
Ставил ногу, как барашек,
С пятки на носочек.
Был галантен и воспитан,
В общем – добрый малый.
На красавицу на Джиту
Взгляд кидал лукавый.

По-индийски «Джита» – песня.
Голос – звонкий, чистый.
Хорошо плясали вместе
Танец два артиста!
Щёлкнет пальцами подружка –
Он, как заведённый.
Так и кружат друг за дружкой
В ритме увлечённо.
Ветерок колыхет сари,
В такт звенят мониста.
Пальмы две – и те в ударе:
«Цирк! Без баяниста!»

«Чудо-яблонька»

По одноимённой картине Татьяны Илюшкиной

Деревянная избушка
Примостилась на холме.
В ней кудесница-старушка
Заплетает макраме,
Варит дивное варенье:
Вкус – волшебный, спору нет.
Дарит это угощенье
Чудо-яблонька – ранет.
Собирает внучка Даша –
Непоседа, егоза.
Нет милей её и краше,
Васильком горят глаза.

Тянет яблонька к ней ветви –
В ручки падают плоды:
Кто душою чист, приветлив –
Награждает за труды.
Вот полны мешок, корзинка:
Впору бабушку позвать,
А ромашки в пелеринках
Белоснежных – благодать...
Тает сладкой карамелькой
Тёплый солнечный денёк.
На дверях скрипит петелька,
А в печи пытит пирог...

То ли сон, то ли явь...

По картине Жозефины Уолл «Дух полёта»

То ли сон, то ли явь... да и было ли это?
Но несётся по небу роскошное Лето,
Рассекает в кисейно-воздушной накидке.
Ветер треплет края, озорник нежно-прыткий!

Медью огненной локоны девы сияют,
Создавая узоры восточных мозаик.
Мотыльки и жучки, да и певчие птицы
Вихрем мчатся вослед. Всё ликует, кружится!

Гуси-лебеди сказкой парят в поднебесье,
И на землю летит задушевная песня.
Так на солнечных крыльях, в шелка разодето,
Заступает в права лучезарное Лето.

На лугу сотней солнышек плещут ромашки,
Пьют взхлёб ясный день –
крохи в белых фуражках.
Рай кругом, благодать! Так задумано Богом.
Жить, любить, удивлять. Разве этого много?

Только б не было войн и локальных конфликтов,
Шар земной без того очень хрупкий и зыбкий.
...А в густой синеве «Дух полёта» кружится.
То ли сон, то ли явь... неужели мне снится?

Песенка про каникулы

Сл. Татьяны Мажориной, муз. Юлии Магдеевой, исп. Марина Тertyшная.
Иллюстрация Раисы Сергеевой

Лето солнечной монетой
По планете катится.
Деревца все разодеты:
В изумрудных платьицах.
Скачут весело по веткам
Солнечные зайчики.
Просыпаются с рассветом
Девочки и мальчики.

Припев:
До чего вы хороши,
Летние денёчки!
Веселимся от души
От зари до ночи:
И танцуем, и поём,
Любим игры, спорт мы.
Замечательно живём,
Дружно и комфортно!

В лес с лукошком загляни-ка.
Видишь? Под листочками
Притаилась земляника –
Сладкая да сочная.
За полянкой речка млеет,
Воробьи чирикают...
Мы к воде бежим скорее.
Красота! Каникулы!

Припев.

Поэт и Ужик

Иллюстрация РАИСЫ СЕРГЕЕВОЙ

Жил-был маленький серенький Ужик,
Не имел ни друзей, ни подружек.
Раздувал он от важности щёчки
И безумно любил влазить в строчки
Незаметно к ребятам-поэтам,

Подружиться мечтая при этом.
Так старался – *вылезил из кожи*,
На картинку хотел быть похожим.
Не желал знать времён он и правил.
Доигрался: *поэт* текст исправил.

Коль попал в текст, не радуйся шибко!
Малый Ужик – ты просто ошибка.
Лучше тихо скользи по тропинке,
Подставляя под солнышко спинку.

Монолог школьного ранца

Иллюстрация РАИСЫ СЕРГЕЕВОЙ

Заброшен, за дверью лежу и вздыхаю...
И так ежедневно – Егорка придёт
Из школы домой, то меня он швыряет,
А я верой-правдой служу целый год.

Пикает в меня он тетрадки, и книжки,
И болтики, гайки, и пиццы кусок...
То плюхнется сверху (обидно мне слишком!),
И всё для того, чтоб закрылся замок.

Зимой на мне он катается с горки,
Летит, оглашенный, на всех парусах.
Скриплю весь ободранный:

«Сжался, Егорка!»
Да где там! Не слышит. Лишь ветер в ушах!

Бывало, подвесит меня вместо груши
И ну колотить, как спортивный снаряд!
Терплю, что Мальчиш-Кибальчиш*,
хоть и трушу:
– Он мышцы качает, – друзья говорят.

Весной, вам признаюсь, бывает и хуже:
На школьном дворе, как затеет футбол,
Пинает, пока не окажешься в луже,
А то и в окошко влетишь... Произвол!

А нынче в страшилки по компу играет,
Забыл про меня. У порога лежу.
Одно хорошо, хоть пока не пинает.
А завтра-то что? Как представлю – дрожу...

* «Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове» А. П. Гайдара.

Новенький

ИЛЛЮСТРАЦИЯ РАИСЫ СЕРГЕЕВОЙ

В класс по осени пришёл
Новенький мальчишка.
Ну и что? В чём здесь *прикол*?
В чём, кто скажет, *фишка*?
Деловито, не спеша,
Класс окинул взглядом.
Унеслась моя душа –
Сел за парту рядом.
Что влюбилась – поняла,
Подвигаю книжку.
Он тихонько: «Как дела?
Я, вообще-то, Мишка».

Закружилась голова,
Не могу взять в толк я:
Он задачки на раз-два,
Как орешки, щёлкал.
Не ударю в грязь лицом,
Тороплюсь, решаю,
В поединке непростом
Выиграть мечтаю.
Роль задачек оцеля,
Повышаю знания,
Чтобы только на меня
Обращал внимание!

Нечаянная встреча

По картине Любови Донцовой «Флиртующие кувшины»

Летний столик, как сказочный остров,
А на нём – два прозрачных кувшина...
Притяженье возникло так остро:
В романтической встрече причина.

Воздух чистый, теплом напоённый,
Солнца лучики смотрят лукаво...
Он, что юноша пылкий, влюблённый:
Ей – кокетке, вниманье по нраву.

А вокруг синева сплошь разлита,
Даже чудится запах ромашек
Развесёлых, росой умытых...
Пред глазами, что искорки, пляшут.

Он, пытаясь привстать на носочек,
Наклоняется к ней осторожно,
Свой единственный нежный цветочек
Предпоносит ей в дар, а, возможно,

Предлагает ей руку и сердце...
Утончённый, весьма элегантен –
Он не может никак наглядеться:
Взгляд затмил восхитительный бантик...

А она, уклоняясь жеманно,
С лучезарной улыбкой готова
Дать понять, что он самый желанный,
Прошептать то заветное слово...

«Ожидание»

По одноимённой картине Любови Донцовой

В лазурном шёлке дремлет тишина,
Окутал сонный морок побережье...
А юная красавица – одна –
Любовью звать, а, может быть, Надеждой.

Задумалась, чуть голову склонив,
В глазах зелёных плещется тревога...
Ей песен Грига чудится мотив,
Кораблик на воде – коснись, потрогай.

Возможно, юный принц на нём плывёт,
И ожиданья девы не напрасны,
А тающего лета сладкий мёд
Румянит кожу щёк её атласных.

Крепчает вера, гуще цвет небес,
Из-под платочка смотрит медный локон.
Случится встреча, полная чудес!
Не быть ей безнадежно одинокой.

Солнечный букет

По картине Людмилы Сухоруковой «Ромашки»

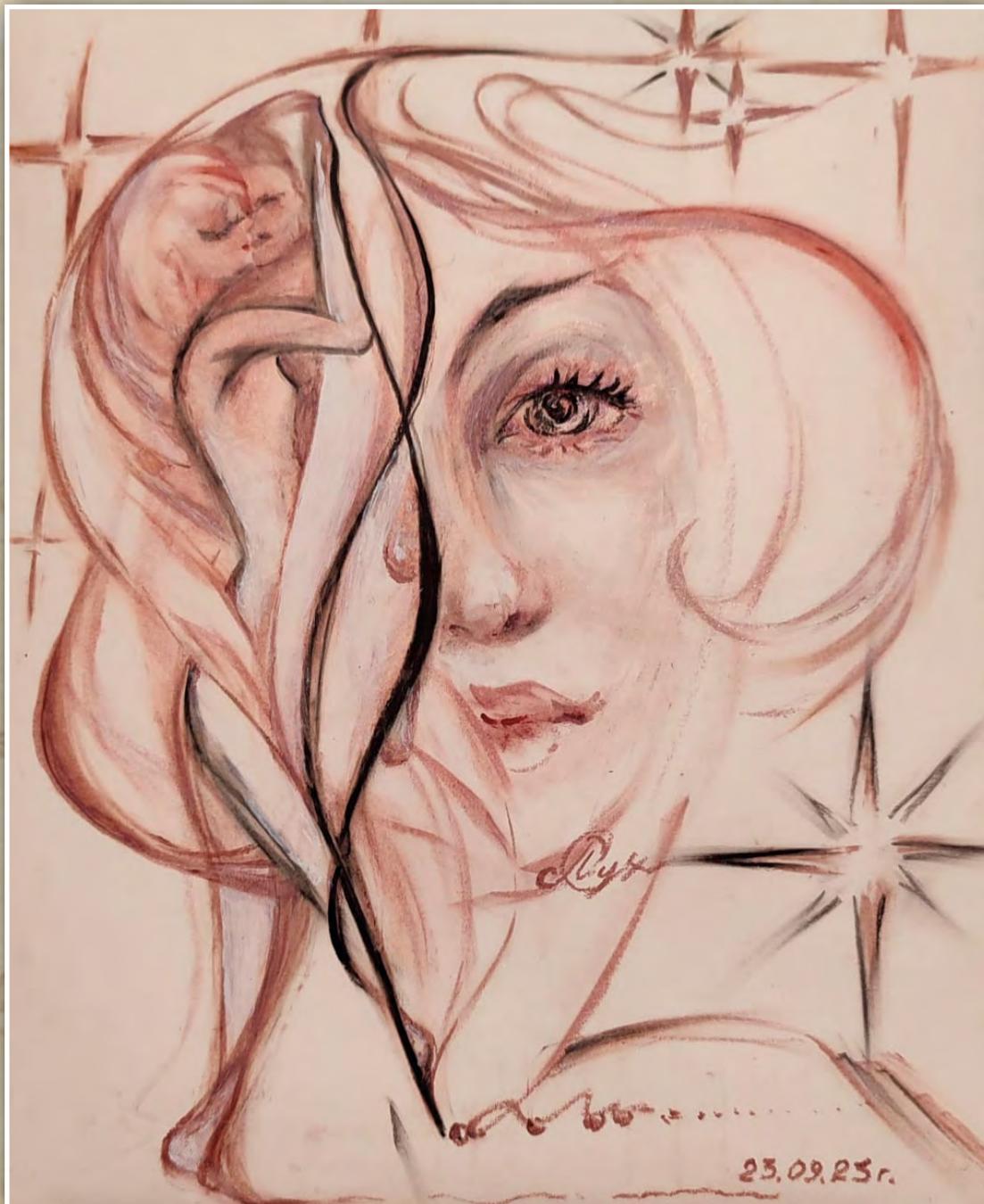

Как будто сотни солнышек горят,
Синь утра разбавляя тёплым светом,
Любуюсь на ромашковый наряд
Столь милого и скромного букета,
Стоящего на краешке стола,
Созвучного душе и тихой песне...

Фата из лепестков белым-бела,
Легка, воздушна, как наряд невесты.
Роскошнее, богаче есть цветы,
Но мне ромашки ближе и красивей.
Растут в глубинке – символ чистоты,
Любви и верности семье, России...

На кончике пера

КАРТИНА ЛЮДМИЛЫ СУХОРУКОВОЙ «ЕЩЁ НЕ ДОПИСАН РОМАН»

На кончике пера сокрыта тайна.
Похоже, мне сегодня не уснуть...
Смогу ль проникнуть в мироздания суть?
Я шёпот звёзд услышала случайно.
Не чудо ли? Быть может, показалось?
Но, Боже мой, струится благодать!

Спешу скорее шёпот записать.
На кончике пера дрожит усталость,
На лист стекая лучезарным маем.
Как долго я молила: «Мне бы, мне
Щепотку волшебства плеснуть извне».
На кончике пера судьбу листаю...

Мёд и горечь

По картине Людмилы Сухоруковой «Воспоминания»

А что, как я поведаю бумаге,
Что чернобылом, тёрном поросли
Былых *невстреч* колючие овраги,
Поля несостоявшейся любви?
... Отринув боль, и страхи, и сомненья,
Немого сердца распечатав бронь,
Нанизываю редкие мгновенья
На струны памяти – ведь был огонь,

И плавился рассвет, стекая в душу...
Случилось чудо – сердце обожгло!
Жила ли?.. Счастлива ль?.. Как не разрушить?
Как удержать столь редкое тепло,
Пронзающее до самозабвенья?
Услышу голос – всё кипит внутри!..
...Моё ты счастье, жажда исцеленья –
И мёд, и горечь! Ясный свет зари!

О душе

По картине Людмилы Сухоруковой «Вдохновение»

Вдохновенье рождает форму,
Если в творчестве вся душа.
Заискрит раскалённым горном,
Пишет на́бело. Хороша!
И ложатся ночами строки –
С виду, вроде, легки, просты,
Но несут они кровотоки
Нерастраченной доброты,

Силы духа, душевной боли...
И судьбины злой жерновá
Крутит мельница, поневоле
Перемалывая слова,
Что способны нести Вселенной
Удивительно-яркий свет,
Проникающий внутривенно,
Оставляющий в сердце след.

Содержание

ГЛАВА 1. СТИХИ ПО РАБОТАМ ИЗВЕСТНЫХ МАСТЕРОВ

«Поклонение волхвов»	4	Похищенные царевны	49
«Поцелуй Иуды»	5	«Ковёр-самолёт»	50
Икона Донской Богоматери	6	Служили искусству	51
О любви к человечеству проповедь	7	Он миру новое сказал...	52
«Рождение Венеры»	8	Навстречу счастью	53
Материнское счастье	9	Надежда эпохи	54
Всё-таки выжила...	10	Вперёд, пехота!	55
Вечностью стал поединок	11	Невыдуманная история	56
Спасённое сокровище	12	У монастырской стены	57
Циклоп в кулисах	13	Русская деревня	58
Виза в бессмертие	14	Крымская идиллия	59
Восторг и прозрение	15	Эпизод из «Жития Сергия Радонежского»	60
Сквозь воздушную дымку...	16	Натюрморт и портрет	61
Русские женщины	17	Юность, ставшая вечностью	62
Триптих. Прощание с Пушкиным	18	Великий реформатор	63
Миг движения	19	Что же всё-таки происходит?	64
Явление Христа народу»	20	В поединке сошлись тьма и свет	65
Не оставь, Господь	21	От цвета к форме	66
Удачная сделка	22	В мире фантазий	67
Главный секрет	23	«Древний ужас»	68
Российское отныне будет знамя	24	«Нет пророка в своём отечестве...»	69
Эпизод на Северной войне	25	Выбрал собственный путь	70
Стихия и Пушкин	26	«Уснувший мальчик»	71
И нависнет над домом проклятие...	27	Игорю Грабарю	72
Вижу дорогу я зимнюю, узкую	28	Зимняя сказка	72
Нет зимы, которая бы не кончалась	29	Размышления у картины	73
«Король лесных пейзажей»	30	Куклы как люди	74
«Тройка»	31	Дипломная работа	75
«Дилетант»	32	«Заморские гости»	76
Надолго ли?	33	«Были заклатья, были знамения...»	77
«Неизвестная»	34	После битвы	78
В лунном сиянии	35	«Приказ учителя»	79
Сретение Господне	36	«Княгиня на теремной башне»	80
За грехи нас, Господи, прости!	37	Семейная идиллия	82
«Боярышня»	38	«1919 год. Тревога»	83
«Одинокая нота»	39	«Эх, тачанка-ростовчанка!»	84
Перед грозой	40	Отвоевались...	85
«Молитвенная сходит тишина...»	41	Торжественная нота бытия	86
Монахиня Сусанна	42	Пророческий намёк	87
Мгновенье встречи	43	Повержен – не значит побеждён	88
«И тешилось варварство в мире господ...»	44	«Лермонтов на Кавказе»	89
Патриархальный обряд	45	Памятник затопленным кораблям	90
«Утро стрелецкой казни»	46	Эпоха, полная надежд	91
«Фортуна, увы, здесь бессильна...»	47	«Река Царевна»	92
На реке на Каяле...	48		

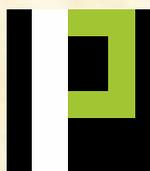
ГЛАВА 2. СТИХИ ПО РАБОТАМ СОВРЕМЕННИКОВ

Уголок моей России	94	«Зимняя история любви»	114
Седьмая симфония Шостаковича	95	На озере	115
Даруйте веру	96	Пробуждение	116
Всё будет хорошо	97	Песнь любви	117
По велению сердца	98	«Весёлый танец»	118
Время выбрало нас	99	«Чудо-яблонька»	119
Диптих. К 200-летию Лермонтова	100	То ли сон, то ли явь...	120
Пётр и Феврония	101	Песенка про каникулы	121
Диптих. От урядника до графа	102	Поэт и Ужик	122
Цикл стихов «Спасите души!»	104	Монолог школьного ранца	123
Погибшим жителям Одессы посвящается...	106	Новенький	124
По взорванной судьбе	107	Нечаянная встреча	125
Учитель	108	«Ожидание»	126
Осенний вальс	109	Солнечный букет	127
Вспоминаю...	110	На кончике пера	128
Дух Студича	111	Мёд и горечь	129
Рождественский лес	112	О душе	130
Хорошему коту и в феврале март	113		

Литературно-художественное издание

Татьяна Мажорина
СЛУЖИЛИ ИСКУССТВУ

сборник стихотворений

Подписано в печать 21.11.2023. Усл. п. л. 7,67

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Печать офсетная. Гарнитура CharterC.

Тираж 100 экз. Заказ № 2023/124.

Издательство ООО «Перископ-Волга»,
400131, г. Волгоград, ул. Советская, 26.

16+